

Г. А. Меликишвили

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА *

Исследуя вопрос о характере древнейших классовых обществ, нельзя не обратить внимания на тот факт, что на древнейшем этапе их существования мы довольно часто встречаемся со структурами, которым было свойственно преобладание централизованных форм ведения хозяйства и наличие огромных царских (государственных) и храмовых хозяйств.

В Вавилонии уже в эпоху аккадской династии (XXIV—XXIII вв. до н. э.) налицо крупное централизованное хозяйство, а в эпоху III династии Ура (XXI в. до н. э.) царский (государственный) сектор еще более вырос, охватив, по мнению некоторых исследователей, едва ли не большую часть сельскохозяйственных территорий и все ремесло, сосредоточенное в более или менее значительных мастерских¹. Высказывается мнение, что царское хозяйство в это время могло охватывать всю обрабатываемую площадь страны или же по крайней мере количество находившихся вне царского сектора свободных крестьянских хозяйств или свободных ремесленников должно было быть незначительным².

Обращает на себя внимание также форма ведения хозяйства: оно велось коллективно, рабочими отрядами под руководством и наблюдением специальных чиновников-надзирателей, урожай поступал в государственные склады и оттуда выдавался в виде довольствия как рабочему персоналу, так и вышестоящему слою царских служащих.

Возникает вопрос — как могла сложиться и затем разрастись подобная социально-экономическая система, функционировавшая при III династии Ура в Вавилонии в общегосударственном масштабе?

В «великих ирригационных обществах» значительную роль в консервации коллективных форм ведения хозяйства предшествующей первобытнообщинной эпохи играла необходимость коллективной организации искусственного орошения — основы ведения здесь сельскохозяйственного производства. В Южном Двуречье на последней стадии своего развития крупное общинное хозяйство выступало уже в форме собственно храмового хозяйства (материалы архива Шуруппака)³. Значительная, по крайней мере, часть общинной земли сохранялась неразделенной в виде хра-

* Публикуя статью акад. АН Груз. ССР Г. А. Меликишвили, редколлегия приглашает специалистов высказаться на страницах нашего журнала по затронутым в этой статье дискуссионным вопросам.

¹ Дьяконов И. М. Проблема вавилонского города II тыс. до н. э.) По материалам Ура). — В сб.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 35.

² Он же. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. — ВДИ, 1952, № 3, 4 (далее — ЗВАХ), № 3, с. 264.

³ Тюменев А. И. Государственно-хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 423.

мовой земли и совместно обрабатывалась⁴; впоследствии наблюдается перерастание этого храмового хозяйства в государственное (сперва энсиальное, затем царское)⁵. Вначале организатором орошения — этой наиболее существенной хозяйственной функции — являлся верховный жрец⁶. Постепенно произошло подчинение храмового хозяйства, имевшего ключевые политические и экономические позиции в шумерском обществе⁷, правителю (resp. правителю-жрецу) — *энси*, превращение храмового хозяйства в энсиальное — оно начинает рассматриваться как собственность *энси* и членов его семьи⁸. После объединения «номовых государств» Южного Двуречья сперва под властью аккадской династии, а потом под властью III династии Ура, произошло слияние местных энсиальных хозяйств в систему единого централизованного царского хозяйства — первые превратились в своего рода филиалы царского хозяйства. Все нити управления этим объединенным хозяйством при III династии Ура сходились в едином центре — Уре⁹. Преобладающей формой эксплуатации государственных и храмовых земель становится непосредственная совместная обработка земли рабочим персоналом этих хозяйств.

Как же выглядела социальная структура изучаемого нами общества в эту древнейшую, «дворцово-храмовую» эпоху? Наличие общественной (дворцово-храмовой) экономики в качестве если и не всеобъемлющего, то по крайней мере ведущего, доминирующего сектора предполагает наличие обслуживающего его широкого служилого (рабочего и административного) слоя. Это был слой «царских людей», классовое членение которого не было резко очерченным. С одной стороны, отошедший от производительного труда административный персонал, безусловно, был довольно немногочисленным, а его привилегированное положение вряд ли было особенно осязаемым и прочным — оно не было не только наследственным, но и пожизненным. С другой стороны, нельзя постулировать и полное бесправие рабочего персонала, занятого целиком или частично в этом общественном хозяйстве. В первую очередь следует обратить внимание на генезис этого слоя — тех самых *гурушей*, которых (в эпоху III династии Ура, во всяком случае) склонны считать «рабами» (В. В. Струве, А. И. Тюменев) или же «подневольными людьми рабского типа» (И. М. Дьяконов). Известно, что сам термин *гуруш* означал просто «молодой мужчина», «молодец» и, судя по ранним текстам, применялся к боеспособным и работоспособным мужчинам вообще. В раннединастический II период (ок. 2615—2500 гг. до н. э.) этот термин порой обозначал все работоспособное население, включая храмовый персонал. Говорили о «гурушях, ходящих на войну» или «на народное собрание». Они, даже не являясь членами храмового персонала, получали довольствие от храма¹⁰. Так же и *шуб-лугалы* (раннединастической эпохи), прямыми потомками которых И. М. Дьяконов считает *гурушей* III династии Ура¹¹, порой входили в военное ополчение. Эти *шуб-лугалы* в Лагаше раннединастического III периода (2500—2315 гг. до н. э.) были местными свободными непосредственными производителями, получавшими от храма как земельные наделы, так и довольствие, но в то же время они шли в поход во время войны и формировали военные отряды правителя¹². Справедливо считал,

⁴ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959 (далее — Шумер), с. 161.

⁵ Тюменев. Ук. соч., с. 416.

⁶ Дьяконов. Шумер, с. 163.

⁷ Там же, с. 195.

⁸ Тюменев. Ук. соч., с. 423.

⁹ Там же, с. 426 сл.

¹⁰ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М., 1983, с. 172.

¹¹ Там же, с. 272.

¹² Там же, с. 201, 205. Ср. Тюменев. Ук. соч., с. 155, 425 и др., а также Дьяконов. Шумер, с. 108—110.

по нашему мнению, В. В. Струве храмовое хозяйство раннединастического периода общинным (т. е. общественным) хозяйством, а *шуб-лугалов* этой эпохи — общинниками¹³.

Кажется тем более невероятным предположение, что в скором времени все эти *шуб-лугалы*, *гуруши* — в основном бывшие общинники — превратились в «рабов» или «подневольных людей рабского типа». Ведь количество таких «царских работников», например в эпоху III династии Ура, по мнению И. М. Дьяконова, доходило до полумиллиона или более человек¹⁴. Вавилонское общество III тыс. до н. э. было раннеклассовым и слабо развитым (в смысле поляризации классовых отношений) обществом, в экономике которого все еще доминировал развитый путем трансформации древней общинной экономики грандиозный «общественный» (геср. дворцово-храмовый) сектор. Весьма неубедителен тезис о превращении работников этого сектора (половины или большей части местного свободного населения страны) в «рабов» или «людей рабского типа». Такая цель не могла быть ни поставлена, ни достигнута и ни одним из существовавших впоследствии более развитых государств. Нам кажется, что ныне не только И. М. Дьяконов, но и стоящий на других позициях в этом вопросе И. Гельб (сближающий статус этих работников с «крепостными» и называющий их «полусвободными») допускают преувеличение степени эксплуатации этих работников и, следовательно, степени их «несвободы». Более приемлемо, на наш взгляд, считать их вовлеченными в общественное хозяйство юридически ущемленными и экономически обедневшими свободными членами общества.

Представляя этих работников царского хозяйства «подневольными работниками рабского типа», И. М. Дьяконов основывается на том, что они были лишены средств производства и подвергались внеэкономическому принуждению. Но почему таким образом характеризуются работники должны считаться непременно рабами? Ведь и к крепостным феодальной эпохи вполне применимо такое определение. Многое остается по-прежнему неясным в связи с *гурушами* (работниками царского хозяйства эпохи III династии Ура), и прежде всего, не ясно, что привело их в царское хозяйство — внеэкономическое или, скорее, экономическое принуждение (обедневшие общинники?). Если же предполагать первый путь, то наверное особого рода — государственное принуждение свободных членов общества — общинников. Неясно также отношение *гурушей* к средствам производства. Как утверждает И. Гельб — крупный знаток этой эпохи, часть *гурушей*, во всяком случае, имела и собственные наделы, хотя в то же время работала в царско-храмовом (общественном по сути дела) хозяйстве и получала из него также довольствие. Значит, работа эта для большинства из них была дополнительным средством прокорма как себя самих, так и семьи, которую они, по мнению И. Гельба, также имели. Обоснованный им же тезис о том, что лишь часть этих *гурушей* работала постоянно в царском хозяйстве, также является аргументом в пользу того, что они располагали и своим небольшим самостоятельным хозяйством вне царского сектора¹⁵.

И. Гельб в названных своих работах скептически относится вообще к тезису о существовании в Южном Двуречье находившегося вне цар-

¹³ Против этого мнения, впрочем, возражает И. М. Дьяконов (Шумер, с. 109 и др.).

¹⁴ История древнего Востока, с. 272.

¹⁵ См. Gelb I. J. Social Stratification in the Old Akkadian Period.— В кн.: Труды XXV Международного конгресса востоковедов. I. М., 1962, с. 225 сл., ср. с. 243 сл.; *idem*. Definition and Discussion of Slavery and Serfdom.— Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palastinas, 1979, B. 11; *idem*. From Freedom to Slavery.— BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972; *idem*. Comparative Method in the Study of the Society Economy of the Ancient Near East.— Rocznik Orientalistyczny, 1980, XLI; *idem*. Household and Family in Early Mesopotamia.— Orientalia Lovaniensia Analecta, Leuven, 1979.

ско-храмовой верховной собственности особого общинно-частного сектора экономики. По мнению же И. М. Дьяконова, это был обширный (по объему равный или даже превосходивший царско-храмовый — государственный) сектор экономики, в пределах которого жили и работали неэксплуатируемые полноправные свободные общинники¹⁶. Однако практически мы почти ничего не знаем об этом секторе и об этих общинниках. Косвенные свидетельства в пользу его существования, приводимые И. М. Дьяконовым, не бесспорны. Так, например, единичные документы о найме рабочей силы (впрочем, в эпоху III династии Ура их уже почти нет, как нет и распространенных прежде сведений об отдельных хозяйствах — Е — «дом») не обязательно должны иметь в виду «свободных общинников» — это могли быть и люди той категории, которые лишь частично работали в государственном хозяйстве (см. выше мнение И. Гельба). Также скудный фонд документов о купле-продаже земли не может считаться решающим аргументом, поскольку такие операции могли производиться и с полученными от государства наделами; упоминаемое же в эпоху Хаммурапи «вечное поле» могло находиться, как полагают другие исследователи, и на царской земле, а не обозначать находившийся в полной частной собственности земельный участок. Однако принципиальное значение имеет даже не то, существовали ли вообще вне государственного сектора частно-общинные хозяйства¹⁷, а то, представляли ли они что-нибудь самостоятельное, независимое по отношению к государственной власти и государственному хозяйству. Если учесть факт всемогущества государства, осуществление им ряда функций, без которых не могли обойтись ни государство в целом, ни представители «частно-общинного сектора» (оборона страны, управление водными ресурсами на всей территории данного политического образования, снабжение мелких хозяйств рабочим скотом и инвентарем, семенами, ввозимым из-за границы сырьем и другими товарами и т. д.), то на поставленный вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Следовательно, не могло быть самостоятельного от государства «частно-общинного» сектора. Вряд ли представителей этого сектора — «свободных общинников» — следует считать полноправными «гражданами государства», неэксплуатируемой массой. Государство никак не воздержалось бы от выкачивания из них в той или иной форме прибавочного продукта. Эти «полноправные» общинники вели, несомненно, не менее жалкую и полуголодную жизнь, обрабатывая свои небольшие клочки земли, чем занятые в государственном хозяйстве так называемые «подневольные работники рабского типа».

Поэтому можно согласиться с мнением (И. Гельб и др.), что вся совокупность непосредственных производителей (как работники государственного хозяйства, так и эти так называемые «свободные общинники», а также небольшое число занятых в производстве рабов — основная их масса была занята в сфере обслуживания) составляла довольно однородный слой эксплуатируемых непосредственных производителей — низший слой общества. Привилегированный слой общества формировали верхушка царской администрации, верховное жречество, военачальники. Наконец, существовал и средний слой — низы «служилых людей»: представители низшей администрации, рядовой жреческий состав, торговцы, рядовые воины и т. д.

¹⁶ См. работы Гельба, приведенные в предыдущем прим., а также: Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. — ВДИ, 1973, № 4, с. 5, прим. 8; Ша-рашенидзе Дж. М. Энгарты древней Месопотамии. — ВДИ, 1984, № 4.

¹⁷ И. Гельб и И. Ренгер считают, что их количество, если они и существовали, должно было быть незначительным (*Renger J. Flucht als Soziales Problem in der altbabylonischen Gesellschaft.* — BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 169 ff.; *Gelb. From Freedom to Slavery*, p. 90 f.); многочисленными же частно-общинные хозяйства становятся после появления амореев в Вавилонии, в касситское время и т. д.; в древнейшую эпоху, по мнению И. Гельба, вряд ли в Вавилонии имелись поселения мелких самостоятельных земледельцев — вне «государственного сектора» находились лишь поселения пастухов и полукочевников.

Также исключительно обширным, если не всеобъемлющим, был государственный сектор экономики в древнем Египте на заре существования в нем классового общества и государства. Уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. в Египте существовала система обширного централизованного государственного хозяйства¹⁸. Вообще трудно допустить, что в эпоху сверхцентрализованного египетского Древнего царства тот или иной фонд земли мог бы рассматриваться находящимся вне царской, верховной юрисдикции. Мы почти ничего не знаем о существовании здесь самостоятельных производителей, не вовлеченных в хозяйства храмов, вельмож и царя. Форма эксплуатации непосредственных производителей в Египте этой эпохи также довольно близко стоит к господствующей форме эксплуатации в царских хозяйствах Вавилонии эпохи III династии Ура. Наряду с небольшим числом рабов-военнопленных широко эксплуатировалось местное земледельческое население — все они, разбитые на партии (рабочие отряды) с надзирателями во главе, трудились на полях, в садах и виноградниках, на пастбищах и в ремесленных мастерских (ремесленное производство также было сконцентрировано в мастерских; изделия ремесленников поступали на склады, а работники получали довольствие). Велся строгий учет (как в Вавилонии), существовали огромные государственные кладовые, откуда довольствие получали царь и члены его семьи, женщины из царского гарема, обширный придворный штат, чиновничий центральный и местный аппарат, жрецы, а также занятые в хозяйстве ремесленники, строители, земледельцы, привлеченные постоянно или временно (иногда на очень длительный срок) на царские работы¹⁹. Впрочем, часть собранного богатства — сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий — использовалась царской властью и для внешнего обмена, который также был в значительной мере монополизирован ею.

Несомненно, из общинного хозяйства выросло и древнеегипетское высокоцентрализованное государственное хозяйство. И здесь потребности сельскохозяйственного производства, в частности нужды ирригации, обусловили жизненность коллективных форм ведения хозяйства и родоплеменные объединения трансформировались в номовые государства (их было несколько десятков) во главе с вождями — теперь уже правителями областей — номов. Затем в процессе борьбы сначала отдельных номов, а впоследствии — двух крупных их объединений (Верхнего и Нижнего Египта), как известно, произошло образование единого государства. Уже при I династии, т. е. в самом конце IV тыс. до н. э., существовало большое царское хозяйство, имевшее централизованное управление и довольно развитый бюрократический аппарат. Как полевые работы, так и ремесленные велись коллективно, «рабочими отрядами»: зерно для посева и материалы для ремесленной обработки выдавались администрацией, продукция сдавалась, а люди получали довольствие. Таким образом, перед нами обстановка, весьма напоминающая состояние дел в Двуречье при III династии Ура. Впрочем, дворец и храм выступают на этом древнем этапе не только организаторами ирригации, полевого и ремесленного хозяйства: концентрация в их руках всего общественного продукта имеет своей целью также создание резервного фонда для голодного времени, а также использование излишков для обмена с другими странами (таким путем достигается, например, обеспечение общества недостающим в стране сырьем).

Охарактеризованная на шумерском и древнеегипетском материалах обстановка свойственна не одному лишь Ближнему Востоку. Активная роль государства в экономике, в ведении хозяйства на раннем этапе раз-

¹⁸ Тюменев А. И. Передний Восток и античность (Особенности социально-экономического развития).— ВИ, 1957, № 6, с. 65.

¹⁹ Там же; Виноградов И. В.— В кн.: История древнего мира. I. Ранняя древность. М., 1982 (далее — ИДМ), с. 103.

вития государственности и классового общества известна нам и из истории других регионов, в том числе и тех, где ирригация не играла решающей роли ²⁰.

С этой точки зрения исследователи обращают свое внимание прежде всего на критское и микенские общества. Раскопанные на Крите дворцовые сооружения (Кнос, Фест), где имелись большие хозяйственные помещения (погребя, мастерские, склады, продовольствия), где широко применялась письменность для учета и т. д., уже наводят на мысль о существовании большого централизованного дворцового хозяйства с развитой системой учета. Крито-микенские общества этой эпохи, по почти единодушному мнению специалистов, выявляют больше сходства с древневосточными, чем с более поздними греческими обществами. Документы из пилосского архива указывают на ведущую организаторскую роль дворца в хозяйственной жизни пилосского общества ²¹. Как отмечается исследователями, «все данные говорят о том, что в государствах ахейской Греции сложился тип экономики, аналогичный ближневосточному» ²². Для такого пути развития было необходимо, вероятно, чтобы общество развивалось сравнительно изолированно, преимущественно в мирном окружении, без постоянного военного противостояния с соседними обществами. Пожалуй, так и происходило в основном развитие как в Вавилонии и Египте III тыс. до н. э., так и в раннеклассовых обществах Крита и Ахейской Греции несколько более поздней эпохи (II тыс. до н. э.).

Получившая ныне распространение в советской науке концепция общественного развития на древнем Ближнем Востоке, выдвинутая выдающимся советским ученым И. М. Дьяконовым, объединяет эпоху III и II тыс. до н. э. в один — «ранний период» («раннюю древность») и относит I тыс. до н. э. к «позднему периоду» («поздней древности», или, иначе, «расцвету древних обществ») ²³. Исходным для этой периодизации является тезис о существовании двух секторов экономики: «общинно-частного» и «государственного». В ранней древности на селе преобладающим являлся общинно-частный сектор, города же были центрами государственных (царско-храмовых) хозяйств. В ареале «общинно-частного сектора экономики» жили неэксплуатируемые полноправные члены общества, свободное гражданство (свободные общинники) — члены домашних и территориальных общин (*авилу* древней Вавилонии и т. п.), а в «государственном секторе экономики» (на царской земле) производителями являлись «подневольные люди рабского типа» — зависимые царские люди (*мушкену* и др.). На втором же этапе (I тыс. до н. э. — «поздняя древность») происходит образование автономных самоуправляющихся городов — «гражданско-храмовых общин», члены которых (общинники-горожане) оставались единственными полноправными свободными. Город становился теперь средоточием общинно-частного сектора, в то время как село — «государственного», где свободное крестьянство сливается с массой царских людей, образуя единую массу зависимого и эксплуатируемого сельскохозяй-

²⁰ Следовательно, вполне можно согласиться с таким мнением: «В ранних политических структурах главной функцией возникавшей надобщинной политической власти обычно становилась организационно-экономическая, т. е. обеспечение структур в целом и поднявшегося над слоем производителей аппарата управления со всем обслуживающим его многочисленным персоналом, от воинов до ремесленников, слуг и рабов, необходимым для его существования избыточным продуктом» (*Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности. — В сб.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982, с. 76).

²¹ См. *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В). М., 1978.

²² См. *Андреев*. ИДМ, I, с. 292.

²³ См. *Дьяконов И. М.* Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии). — В сб.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1974, с. 139 сл.; *он же*. — ИДМ, III, с. 8; *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Новые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2, и др.

ственного населения. Сопоставление вышеупомянутых гражданско-храмовых общин («самоуправляющихся городов») Ближнего Востока с греческими полисами завершает картину, изображающую единство Востока и Запада и в I тыс. до н. э.²⁴ (для III—II тыс. до н. э. это единство иллюстрируется автором путем сравнения древнемесопотамских царско-храмовых обществ с крито-микенскими, в которых также был высок удельный вес «государственного сектора экономики»). Приведенная периодизация древнего ближневосточного общества, таким образом, по существу представляет собой попытку заново обосновать тезис о весьма конкретно осмысляемом «единстве исторического процесса на Востоке и на Западе», свести к общему знаменателю развитие ближневосточных и греко-римских обществ.

Выше мы уже говорили о спорности некоторых утверждений И. М. Дьяконова, на которых основывается данная концепция и предлагаемая на ее основании периодизация развития ближневосточного общества. На спорность этих положений и раньше обращали внимание некоторые советские и зарубежные исследователи, об этом говорилось и в наших предыдущих работах (речь идет прежде всего о постулировании в древней Месопотамии двух равноценных секторов экономики — «общинного» и «государственного», а также о сопоставлении ближневосточных самоуправляющихся городов с греко-римскими полисами и т. д.)²⁵.

Означенная концепция и вытекающая из нее периодизация все разнообразие общественного развития фактически сводит к взаимной расстановке «общинно-частного» и «государственного» секторов экономики. Меньше внимания уделяется изменению соотношения этих двух секторов, степени их взаимного влияния, охвата ими экономики страны, т. е. процессам, которые могли иметь существенное значение. Однако именно на Востоке начиная с глубокой древности и вплоть до позднего средневековья различие между «государственным» и «частным» является несущественным; первое постоянно довлеет над вторым и налицо фактически полное господство государственной собственности, государства вообще, во всех сферах экономической деятельности.

Наличие всемогущего государства — наиболее характерная особенность как древних, так и средневековых восточных обществ. Даже там, где царская власть вначале все еще не являлась всемогущей, была ограничена традициями и связана путами родо-племенного строя (Двуречье, хетты и др.), в дальнейшем наблюдается развитие в сторону деспотии и неограниченной царской власти (в Двуречье уже в эпоху аккадской династии, в хеттском Новом царстве и т. д.). Конечно, в истории как древних, так и средневековых восточных стран было немало периодов ослабления центральной власти, периодов децентрализации, но их неизбежно сменяло новое усиление государственной власти, новая волна централизации и деспотического правления.

Исследуя социально-экономический строй ближневосточного классового общества, прежде всего следует указать на устойчивое сохранение на всем протяжении его существования (вплоть до позднего средневековья) приоритета государства и государственной собственности. Если

²⁴ О невозможности признать эти восточные города и гражданско-храмовые общины аналогичными античному полису — явлению по сути в истории уникальному — см. Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства. — В сб.: Античный полис. Л., 1979; Фролов Э. Д. Тема полиса в новейшей историографии античности. — Там же.

²⁵ См. Меликишвили Г. А. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ. — ВДИ, 1975, № 2, с. 29 сл., а также наш доклад «Проблема социально-экономического строя древнего Ближнего Востока» на Всесоюзной конференции, посвященной исследованию древнего и средневекового зарубежного Востока (Ленинград, 1981) (информацию о докладе см. Пиотровский М. В. Всесоюзная конференция историков древнего и средневекового Востока. — НАА. 1983, № 1, с. 133).

для античного рабовладельческого общества наиболее характерным, структурообразующим феноменом являлся полис, то для древнего и средневекового ближневосточного общества таким было всемогущее государство. Так же как без понимания генезиса и функционирования полиса нельзя понять античное общество, так и без осмысления генезиса и функционирования всеильного государства невозможно понимание ближневосточного общества. Здесь перед нами огромная формирующая роль государства в развитии общественной системы (включая экономику), факт активного вмешательства одного из элементов надстройки в структуру и динамику базиса.

Подобная роль государства выявляется в первую очередь в отношениях собственности, которые, по словам К. Маркса, и являются юридическим выражением производственных отношений²⁶. На Востоке (как древнем, так и средневековом), как правило, налицо ведущая роль государственной собственности. Она сложилась на базе сравнительно низкого уровня развития производительных сил, слабого развития товарного производства и товарно-денежных отношений, при относительно слабом и ограниченном развитии и функционировании частной собственности. Именно приниженная роль на Востоке частной собственности и ведущее положение государственной глубоко отличают древний и средневековый Восток от греко-римской античности (и, пожалуй, от европейского средневековья). Правда, в разное время и в разных странах соотношение государственной и частной собственности в той или иной мере менялось, но ведущее положение государственной собственности в целом стойко сохранялось и в случае временного ослабления ее позиций вскоре вновь усиливалось. Следовательно, нельзя предполагать существенное изменение соотношения на Востоке в пользу частной собственности. Однако все же с начала II тыс. до н. э. здесь, в особенности в такой ведущей стране Ближнего Востока, как Вавилония, произошли в этой сфере серьезные изменения, которые нельзя не учитывать при периодизации развития ближневосточного общества. Это обстоятельство склоняет нас к выделению в качестве «древнего (раннего) периода» не эпоху III—II тыс. до н. э., как это предусматривается периодизацией И. М. Дьяконова, но III тыс. до н. э., поскольку с начала II тыс. начали, как нам кажется, действовать новые факторы, появились явно новые явления, определившие в дальнейшем лицо поздндревневосточного и во многом схожего с ним средневекового восточного общества.

Как было отмечено выше, в III тыс. до н. э. для древнего ближневосточного общества (особенно в «великих ирригационных обществах») характерно активное и непосредственное участие государственной власти в хозяйственной жизни: ведущей функцией государства в этот период, пожалуй, было руководство экономической жизнью общества. Однако уже с начала II тыс. до н. э. государство все более отстранялось от непосредственного ведения хозяйства (хотя государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, государственный контроль над ней в той или иной форме все же остается, особенно в Египте). В Двуречье, во всяком случае, высокоцентрализованные царско-храмовые (государственные) хозяйства полностью исчерпали свои возможности, стали нерентабельными, и господствующей формой ведения хозяйства стало самостоятельное хозяйствование производителей на своих мелких участках. Безусловно, это был шаг вперед на пути индивидуализации хозяйства и укрепления частновладельческих отношений. Однако определенное отстранение государства от непосредственного ведения сельскохозяйственного производства вовсе не означало ослабления позиций государственной собственности вообще. «Царская земля» все более расширялась, постепенно формируя феномен верховной царской собственности на землю. Расширился и круг

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6, 7.

«царских земледельцев», «царских людей», которые наряду со всей остальной массой непосредственных производителей эксплуатировались уже в основном путем взимания ренты-налога или арендной платы и выполнения других повинностей по отношению к государству. Ведущее положение государства в экономике выражалось также в обеспечении земельным фондом и жалованием все более увеличивающегося слоя царской бюрократии, служилого (бюрократического, военного) сословия — господствующего класса этих государств. Земельный фонд, находившийся в руках этого слоя, составлял государственную собственность и представлялся фактически во временное владение за службу. Впрочем, низший слой служилых людей (рядовые воины, младший административный персонал и т. д.) частично мог участвовать и в производстве, в то время как верхний полностью был отстранен от него и выступал основным эксплуататором производителей материальных благ. Этот слой по-прежнему был тесно связан с государством, именно через государство осуществлял эксплуатацию производителей — рабов и нерабов. Следовательно, и социальная структура общества на данном этапе все более принимала традиционную для Востока форму, сохранявшуюся долго, вплоть до позднего средневековья.

Наряду с этим на этом этапе происходило (в некоторых регионах Ближнего Востока во всяком случае) значительное расширение торговли и товарно-денежных отношений, развитие ремесла, образование крупных торгово-ремесленных центров, получавших порой определенное самоуправление. И это означало, безусловно, определенный прогресс в развитии частнособственнических отношений.

Конечно, в разных странах ближневосточного региона развитие имело свою специфику. Поэтому нам следует более близко ознакомиться с конкретной обстановкой в ряде ведущих стран древнего Ближнего Востока, таких, как Вавилония, Египет, Митаннийское и Хеттское царства.

Уже во II тыс. в некоторых регионах Ближнего Востока (в частности в Вавилонии, а также сиро-палестинском регионе) началось образование крупных торгово-ремесленных центров, располагавших порой определенным самоуправлением. Намечившееся в эту эпоху интенсивное развитие торговли, в том числе внешней, международной, товарного производства и денежных отношений, безусловно, способствовало этому. В связи с этим следует также указать на укрепление позиций института частной собственности. Впрочем, отмеченный выше переход от централизованных царско-храмовых хозяйств к индивидуальной обработке предоставляемых производителям земельных участков уже сам по себе являлся шагом вперед в этом направлении. Означенные факторы особенно активно начали действовать уже со II тыс. до н. э. в Вавилонии (развитие в том же направлении углубилось в I тыс. до н. э.).

В Вавилонии после падения III династии Ура централизованное государственное хозяйство исчезло (видимо, разросшись до невероятных размеров, оно отчетливо выявило свою нерентабельность, обусловленную использованием в нем малозаинтересованных в результате своей работы работников, необходимостью больших непроизводительных затрат на надзор и управление). В практику внедрилась обработка царского земельного фонда путем раздачи наделов самостоятельно хозяйствующим царским работникам (*мушкену*).

В эпоху аморейской династии (XIX—XVII вв. до н. э.) царь, как правило, не имел своего полевого хозяйства, однако в его распоряжении была «царская земля» (*eqlât êkallim*), которая эксплуатировалась отчасти путем раздачи наделов за службу царским служащим и ремесленникам, а также главным образом земледельцам — держателям наделов за плату («дань» — *biltum*). Эти последние обозначались то термином *nâsi biltim* («приносящий доход (дань)»), то термином *iššakkum*. По мнению И. М. Дьяконова, возможно, эта категория держателей царской земли подразуме-

валась и под широко употребляемым в судебныхниках термином *muškēnum*²⁷. Наделы на царской земле предоставлялись за службу также *muškēnum* — *rēdūm* и *bā'igum*. Отчуждение их наделов, а также наделов *людей nāši biltim* — *iššakum* категорически запрещалось, в то время как земля других держателей («земли кормления») могла отчуждаться при условии перехода на приобретателя надела соответствующей повинности. Нередко такие наделы сдавались в аренду, особенно когда владелец по характеру своей службы не имел возможности лично заниматься хозяйством. Мог владелец надела (кроме воинов) выставить для выполнения повинности своего заместителя или даже своего раба.

Таким образом, в старовавилонское время весьма обширной выглядела служилая прослойка общества, слой «людей службы». Правда, у вавилонян был особый термин для обозначения «службы» (*ilku*, var. *nāši biltim*), но фактически «служилая прослойка» включала в себя многих других — это были низшие чины управленческого аппарата, жрецы и жрицы, воины, *тамкары* (кушцы), ремесленники. В Законах Хаммурапи (§ 36—38, 41) вместе, в одном контексте перечислены воины (*редум*, *баирум*) и *nāši biltim* (согласно И. М. Дьяконову, синоним *мушкену* — всякий служащий был в сословном отношении *мушкену*²⁸).

И. М. Дьяконов утверждает, что вне царского фонда земли находились общинные земли, которые могли обозначаться терминами *eqlum dūrum* «вечное поле» или *eqel bit abi-ja* «поле дома моих предков», однако в то же время видно, что царская администрация порой распоряжалась и такими землями — отбирала их у владельцев. Правда, судя по одному письму Хаммурапи правителю Ларсы Шамашхасиру, это считалось противозаконным. Впрочем, не может быть полной уверенности в том, что здесь в самом деле речь идет об участке на «общинной земле», а не той же «царской земле», возможно, закрепленной за «домом» (большесемейной общиной) «навечно»²⁹.

Даже допуская наличие в эту эпоху, кроме «царской земли», и «общинного сектора», ясно, что и на последний распространялась юрисдикция царя. Безусловным являлось монопольное владение государством водными ресурсами, всей оросительной системой, существование связанных с ней и обязательных для всех повинностей, а также наличие налогов. Из судебногоника Липит-Иштара видно, что в случае задержки выплаты налога общинником в течение трех лет его «дом» мог быть отобран и передан в руки того, кто будет выполнять это обязательство.

Таким образом, фактически не было полностью независимого от царской власти «общинного сектора экономики» и вполне самостоятельных от государства производителей. Как предыдущее, так и последующее развитие ясно указывает, что общей тенденцией развития являлось формирование всеобъемлющей, верховной во всяком случае, царской собственности на землю. Процесс подчинения общин, увеличения государственного сектора экономики за счет общинного был, вероятно, постоянно действующим процессом. Интенсивность его во много зависела от конкретных исторических условий, от силы и могущества государственной власти и целесообразности ведения хозяйства и эксплуатации населения в той или иной форме. Наряду с процессом подчинения и включения в сферу государственного сектора целых общин, поселений и областей, храмовых и других хозяйств происходило, несомненно, постоянное расширение этого сектора экономики за счет обедневших или оставшихся без наследства общинников³⁰, разного рода пришельцев, а также плененного и депорти-

²⁷ См. Дьяконов И. М. *Muškenum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммурапи. — *Eos*, 1956, XLVIII, 1. Ср. также его комментарии к старовавилонским законам (ЗВАХ).

²⁸ *Он же*. ЗВАХ, с. 266.

²⁹ *Renger*. *Op. cit.*, p. 168.

³⁰ *Ibid.*, S. 169.

рованного населения. Таким образом, развитие шло в направлении полного подчинения производителей царской власти, образования всеобъемлющей царской собственности на землю.

Следовательно, после ликвидации практики непосредственного ведения государством огромного централизованного хозяйства, с одной стороны, расширился слой «людей службы», с другой, произошел переход на систему взимания прямых налогов со всего населения — производителя материальных благ³¹, т. е. начала складываться модель общества, которая постепенно стала господствующей на Ближнем Востоке, функционируя вплоть до средневековья включительно.

В Вавилонии этот процесс продолжается в последующую — касситскую (среднеавилонскую) эпоху (XVI—XI вв. до н. э.). В это время в первую очередь наблюдается определенное укрепление позиций частного землевладения. Об этом свидетельствуют специфические документы данного периода — так называемые *кудурру*, фиксировавшие акты пожалования царем земли храмам и жрецам, высшим сановникам и другим лицам. Сидевшее на такой земле производящее население при этом подпадало в зависимость от нового хозяина, несло в его пользу повинности³². Храмы, например, иногда получали право взимания налогов и других повинностей с жителей целых селений³³. Часто этому пожалованию сопутствовало также освобождение от тех или иных поборов и повинностей. Полагают, что речь шла о выдаче земли во временное пользование, поскольку ее переход по наследству нуждался в царском утверждении. Однако постепенно такая земля стала рассматриваться как частная собственность, и сами цари начали практиковать выдачу земли «на вечные времена».

Наряду с этим определенные привилегии получали и некоторые крупные города (Вавилон, Ниппур, Сиппар) — они освобождались от общегосударственных налогов и повинностей. Таким образом, формировалось новое деление общества, — с одной стороны, привилегированные, освобожденные от общегосударственных налогов и повинностей граждане городских общин, а также крупные землевладельцы, получившие такое же освобождение, с другой же — обложенное налогами и повинностями сельское население. Происходило постепенное стирание различия между общинниками и держателями царских земель — и те и другие фактически превратились в частных хозяев, в одинаковой степени облагаемых налогами и повинностями.

В касситское время распад государственного хозяйства с его громоздким и дорогим административным аппаратом, можно сказать, уже свершившийся факт. Царского хозяйства фактически не существует. Вместо него, как уже было сказано, входит в практику взимание налогов и повинностей со всего (или большей части) населения³⁴. Что касается храмов, то и они собственного хозяйства практически не вели, получая доходы с приписанного к ним населения (*амелуту*). Эти храмовые работники имели свое самостоятельное хозяйство, хотя и не считались собственниками обрабатываемой ими земли. Формирование означенной структуры общества свое полное завершение получило несколько позже, в I тыс. до н. э.³⁵

В Египте во II тыс. до н. э. также наблюдалось развитие в аналогичном направлении. Правда, в отличие от Вавилонии здесь все же зависимость самостоятельно хозяйствующих производителей от государства

³¹ Дьяконов.— ИДМ, I, с. 41.

³² Oelsner J. Landvergabe im Kassitischen Babylonien.— In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff. Warminster, 1982, p. 279 f.

³³ Якобсон.— ИДМ, I, с. 185.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

оставалась более тесной — в использование рабочей силы все еще сильно вмешивается государственная власть³⁶. В противовес существовавшему в эпоху Древнего царства централизованному царскому хозяйству в периоды Среднего и Нового царств и здесь распространилась практика индивидуальной обработки наделов самостоятельно хозяйствующими «царскими земледельцами». В эпоху Нового царства даже рабам нередко предоставлялись небольшие участки земли, они имели семью, небольшое имущество и т. д. Многие рабы-чужеземцы делались храмовыми земледельцами. Правда, коллективная обработка земли (как и вообще царское хозяйство) и в это время продолжала существовать, а хозяйственная жизнь страны находилась под постоянным наблюдением и контролем государственной власти, однако в эпоху Среднего и особенно Нового царства и в Египте произошло значительное смягчение способа эксплуатации «земледельцев» и переход от непосредственной эксплуатации к предоставлению земледельцам возможности самостоятельного хозяйствования с условием уплаты определенной доли урожая. Документы конца Нового царства (в частности папирус Вильбура) свидетельствуют о широком распространении системы сборов с зависимых земледельцев, с арендаторов и издольщиков, между которыми были распределены храмовые и царские земли. Начиная с царствования Тутмоса III даже военнопленных сажали на землю и записывали в «земледельцы» и вскоре уже совершенно невозможно было в общей массе зависимых от храмов людей отделить военнопленных от приписанных к храмам египтян³⁷.

В эпоху Рамессидов государственный (царско-храмовый) земельный и хозяйственный комплекс также был господствующим в экономической системе страны³⁸. Зависимыми работниками государства (а не рабами) были обрабатывавшие эти земли «государственные (царские) земледельцы» — предшественники γεωργοί βασιλικῆς эллинистической эпохи. Примерно одна треть произведенного ими урожая изымалась в качестве налоговой доли (остальная часть распределялась между «государственными земледельцами» в соответствии с размерами обрабатываемых ими участков)³⁹. И. А. Стучевский приводит интересный материал, свидетельствующий о сохранении в основных чертах форм эксплуатации «царских земледельцев» эпохи Рамессидов весьма долго, вплоть до эллинистической или даже средневековой эпох⁴⁰. По его мнению, к ним подошла бы характеристика, которую даёт К. К. Зельин их потомкам — γεωργοί βασιλικῆς птоломеевского времени: «...их зависимость была ни рабством, ни крепостничеством. Это была форма зависимости, возникающая не в том случае, когда человек является собственностью частных лиц или государства (как при рабстве), и не тогда, когда он находится в зависимости от отдельных лиц, обладающих известными политическими правами, но тогда, когда он имеет дело непосредственно с государством, применяющим свою неограниченную власть для организации и использования экономики страны в интересах правящего класса. Перед нами одна из многообразных форм государственного принуждения»⁴¹.

Таким образом, даже в Вавилонии и Египте во II тыс. широкое распространение получила эксплуатация широких слоев самостоятельно хозяйствующих производителей — рабов и нерабов — путем взимания доли урожая, с привлечением их в порядке государственной повинности также и к другим работам (ирригация, строительство). Эта форма эксплуа-

³⁶ Дьяконов. — ИДМ, I, с. 41—42.

³⁷ Тюменев. Передний Восток и античность, с. 66—67.

³⁸ Стучевский И. А. Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982, с. 4, 245—247 и др.

³⁹ Там же, с. 117 и др.

⁴⁰ Там же, с. 69—71.

⁴¹ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, с. 115.

тации была господствующей, конечно, и в других, «неирригационных» обществах Ближнего Востока.

В возникших во II тыс. до н. э. ближневосточных государственных структурах уже не встречаются засвидетельствованное в III тыс. до н. э. в древнем Египте и Вавилонии ведущее положение государственной власти в хозяйственной жизни общества и существование всеобъемлющих централизованных государственных хозяйств. Это справедливо, в частности, в отношении Хеттского и Митаннийского государств, возникших в первой половине II тыс. до н. э. Становление этих государств, по всей видимости, происходило в условиях постоянной борьбы за гегемонию между отдельными родо-племенными и раннеклассовыми образованиями, приводящей к подчинению одних образований другими. Задача сохранения силой государственного единства и власти над завоеванными территориями способствовала образованию привилегированного военного слоя, оторванного от производственного труда, эксплуатировавшего сидевшее на пожалованных им землях земледельческое население. Не случайно в известной декларации хеттского царя Телепину залогом единства и могущества государства, предпосылкой успешной борьбы с врагами государства объявляется сохранение единения царского рода и «воинов». Красноречивые свидетельства о мощи и большом значении военного слоя в государстве содержат и другие хеттские документы. Значительную роль в формировании государства Митанни сыграли индоарийские военные — *марианни*, отрядами которых вначале была укомплектована царская гвардия. Наблюдавшаяся широкая экспансия хурритов-митаннийцев, так же как и несколько позже — хеттов-неситов, уже сама по себе говорит о большом значении в их обществе военной аристократии и вообще военного слоя. Это была бурная эпоха на Ближнем Востоке. Касситские воины овладели Вавилонией, Египет завоевали вторгшиеся из Азии гиксосы, благодаря которым египтяне познакомились с боевыми колесницами. Хорошо известно, какую большую роль сыграло это в египетской истории, открыв двери для завоевательных войн фараонов XVIII династии и в значительной мере, вероятно, изменив соотношение сил в верхушке Египта в пользу военной прослойки.

Отныне все более существенным фактором, влиявшим на процесс развития древнего ближневосточного общества, было возникновение «военных» («военно-паразитических») государств, обусловленное в значительной мере прогрессом в военном деле. Речь идет о появлении и распространении в этом регионе коня, боевых колесниц и, наконец, кавалерии, сделавшими возможным создание мощных армий, предназначенных для ведения постоянных завоевательных войн.

На Ближнем Востоке появление лошадей, запряженных в боевые колесницы, относится к первой половине II тыс. до н. э. и ставится в определенную связь с проникновением индоевропейцев (индоиранцев). По-прежнему дискуссионным является вопрос о том, принесли ли арийцы со своей прародины знакомство с конем и колесницей или же, приведя коня, создали боевые колесницы на Ближнем Востоке, в частности в Месопотамии (так полагают Ф. Ханчар, А. Камменхубер, И. М. Дьяконов), поскольку самую колесницу Ближний Восток знал с давних времен⁴². Во II тыс. до н. э. в армиях тогдашних важнейших государств (Хеттское царство, Митанни, Египет, Среднеассирийская держава) ведущей силой были боевые колесницы и колесничие, однако с I тыс. конница начала занимать повсюду в войске более прочное место. Так произошло, в частности, в Ассирии, создавшей первую крупную «империю» на Ближнем Востоке, так было, видимо, в Урарту, а иранцы создали могущественное войско, преобладание в котором принадлежало легкой коннице лучников.

⁴² Ковалевская В. Б. Конь и всадник (Пути и судьбы). М., 1977, с. 18, 31.

Вообще считается, что если индоиранцы познакомили Ближний Восток с конем, то собственно иранцы — со всадничеством ⁴³.

Родиной колесничьего войска было, по всей вероятности, Митанни — государство в Верхней Месопотамии, включавшее в себя индоарийский элемент (см. известный коневодческий трактат митаннийца Киккули). По-видимому, с этим связано могущество этой арийско-хурритской державы (resp. Хурритского государства с арийской династией?), распространение ею своей власти наряду с Верхней Месопотамией (включая соседнюю Ассирию) также на Сирию — Палестину, ряд малоазийских областей и т. д. Судя по хеттским письменным документам, боевые колесницы появляются в хеттском войске уже в XVIII—XVII вв. до н. э. ⁴⁴ В дальнейшем конь и боевая колесница играли ведущую роль в хеттском войске и широко применялись. Известно, как многого достигли хетты благодаря своему военному превосходству, объединив под своей властью малоазийские, сирийские и верхнемесопотамские регионы, создав свое «военное государство», как его не без основания удельно везе, который приобрели колесничие в египетском войске эпохи Нового царства. Все это, конечно, не могло не оставить глубокого отпечатка на социально-экономических отношениях этих стран, на социальной структуре их обществ. Главным результатом этого было, несомненно, резкое увеличение удельного веса связанной с армией группировки в господствующей прослойке этих государств. Это хорошо видно на материале Митанни ⁴⁵, Египта, государства хеттов. Наконец, прогресс в военном деле во многом способствовал росту могущества Среднеассирийской державы, взявшей курс на постоянные завоевания и ограбления соседних стран. При этом происходил превращение ассирийцев в «народ воинов»: каждый свободный мужчина с детства готовился стать профессиональным воином.

В этом аспекте привлекает к себе внимание, конечно Митанни, бывшее в означенную эпоху одним из четырех «великих царств» этого региона наряду с Вавилонией, Египтом и Хеттским царством. К сожалению, из-за отсутствия источников мы лишены возможности подробно судить о социально-экономическом и государственном строе этого крупного государства. Известно, что это была наследственная монархия, где порой разворачивалась ожесточенная борьба за царский трон, в которую вовлекались и чужеземные силы. Царевичи часто бывали правителями крупных областей царства, в завоеванных странах (например в Ассирии) сидели царские наместники, при царском дворе существовал центральный административный аппарат, а на местах находились царские должностные лица, из которых особенно следует отметить должность *халуцхлу*. При возникновении этого крупного политического образования активную роль, по всей видимости, сыграли индоарийские племена, с появлением которых связывается массовое использование коня в войске, в частности образование колесничьих отрядов — *марианни*, играющих решающую роль в военных операциях крупных древневосточных государств этого времени. Сама правящая династия в Митанни была индоарийского происхождения. Некоторые исследователи, основываясь главным образом на угаритском материале, где также засвидетельствован термин *марианни*, постулируют значение его просто как «колесничий», отрицая его социальную значимость («знать», «знатный»). По их мнению, угаритские *марианни* представляли собой находившихся на царской службе людей, которым

⁴³ Там же, с. 61, 103 и др.

⁴⁴ Там же, с. 41.

⁴⁵ Струве В. В. Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества. — ИГАИМК, 1934, вып. 97.

⁴⁶ Характерна в этом отношении формула приветствия в дошедшем до нас письме митаннийского царя Тушратты царю Египта: «Мир тебе ... твоим сыновьям, твоим коням, твоим колесницам, твоим воинам, твоей стране и всему, что принадлежит тебе».

колесницы и другое снаряжение (возможно и кони) предоставлялись самим государством. Сами колесничие наделялись земельными служебными держаниями, а также получали натуральное довольствие и выдачи серебром. *Марианни* имели помощников, также «царских людей», (но более низкого ранга, которых они сами не содержали за свой счет. Отсюда делается вывод, что угаритские *марианни* не составляли особого слоя аристократии, хотя и пользовались рядом привилегий⁴⁷. Этой точке зрения справедливо возражают другие исследователи, полагая, что материал из Угарита, где высший слой образовывали крупные торговцы, не может иметь определяющее значение при решении вопроса о статусе и происхождении *марианни* в самом Митанни⁴⁸. Следуя за наиболее распространенным мнением, мы склонны в этом слое видеть членов царской гвардии, высшую военную знать, которая вообще должна была играть в Митанни значительную роль. Ведь само возникновение Митаннийского государства, подобно хеттскому царству, происходило, безусловно, в условиях военного противостояния разных племенных и раннеклассовых объединений, в процессе которого было естественным выдвижение подобной военной прослойки.

Из государств этого же типа во II тыс. до н. э. привлекает наше внимание также Хеттское царство. Дошедший до нас обильный материал середины II тыс., правда, освещает довольно позднюю ситуацию в развитии малоазийского общества. Безусловно, классовое общество здесь зародилось намного раньше, во всяком случае уже в III тыс. до н. э., но об этой предыстории Хеттского царства мы мало осведомлены. Великое Хеттское государство II тыс. до н. э. возникло в процессе борьбы за гегемонию между отдельными племенными и раннеклассовыми образованиями⁴⁹, приведшей к подчинению одних образований другими, выдвижению царского рода и военной аристократии, подчинению обширных областей и их производящего населения.

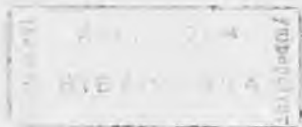
Малоазийский регион своеобразен по своим природным условиям: здесь нет необходимости в организации развитой системы искусственного орошения, не составляет проблемы снабжение общества сырьем (в частности металлами). Таким образом, здесь отсутствовали те потребности, удовлетворение которых в «великих ирригационных обществах» (Египет, Вавилония) обусловило сосредоточение в руках государства функций ведения хозяйства и привело на заре возникновения в них классового общества и государства к образованию крупных централизованных царско-храмовых хозяйств. Во всяком случае подобные хозяйства не были известны в хеттском обществе II тыс. до н. э., но, возможно, в более ранние периоды истории роль «дворца» как хозяйственного центра была столь же ощутимой, как, например, в криго-минкенских обществах. Ясно все же, что здесь, в Малой Азии, очень рано ведущим становится индивидуальное ведение хозяйства в основном большесемейными общинами («домовой общиной», «большой» патриархальной семьей).

Однако это обстоятельство не помешало тому, что, как и в «великих ирригационных обществах» II тыс. до н. э., государство здесь стало обладателем и распорядителем обширного земельного фонда и эксплуатировало сидящую на нем массу непосредственных производителей. В отличие от древнейшего Двуречья и Египта в этом случае данное право государства (царя) выросло не на основе выполнения им функций организатора экономической жизни, а из права завоевателя и политического властителя. Косвенным свидетельством наличия в руках государства земельного фонда являются дарственные документы хеттских царей, а так-

⁴⁷ См. ВДИ, 1969, № 3, с. 22—28.

⁴⁸ Ср. *Astour M. C.* The Merchant Class of Ugarit.— BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 26.

⁴⁹ См. *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии.— ВДИ, 1965, № 1.

же вообще тексты, касающиеся земельных и других пожалований членам царской семьи, храмам, представителям аристократии и др. Широко известен документ KUB, XIII, 8, составленный от имени «великой царицы» Асмуникал, о передаче целых поселений с находящимся в них производящим населением «Каменному дому», т. е. храму, посвященному заупокойному культу усопших царей, и о статусе переданного имущества. Некоторые параграфы Хеттских законов (далее — ХЗ) упоминают земельные участки, переданные царем в дар людям категории GISTUKUL (о них см. ниже). Так, в § 53 речь идет о разделе подаренного царем поля между человеком GISTUKUL и его дольщиком, а в § 47 В — об освобождении от повинности Iuzzi человека, имевшего подаренное царем поле (по позднему варианту ЗХ для этого требуется специальное распоряжение дворца)⁵⁰. Правильно отмечается, что поселения, переданные царицей «Каменному дому», до передачи, видимо, относились к государственному земельному фонду⁵¹. В «Предписании Тутхалии» (IV?) предусмотрены строгие меры в отношении тех, кто взламывал царский амбар⁵². В одном царском дарственном тексте «Дому Хаттусы в Сариссе» названы поля, пастбища, лесонасаждения, огороды, гумна и т. д., принадлежащие дворцу⁵³. О дарении крупных земельных владений храмовой служачей — Куваттале — речь идет в «Дарственной грамоте» царя Арнуванды и царицы Асмуникал и т. д.

Имеется также много указаний на предоставление земельных участков депортированному населению (NAM.RA); несомненно, и их сажали на государственные земли (если речь не шла об их передаче храмам или вельможным хозяйствам). «Инструкция для начальника округа» содержит указание о предоставлении депортированным земельных участков, скота, посевного зерна и т. д.⁵⁴ Порой речь идет о наделении депортированных земельными участками, оставленными людьми GISTUKUL. Такой случай, как известно, специально упомянут и в ХЗ (§ 40, ср. § 112). По всему видно, что и посаженные на государственные земли депортированные самостоятельно вели хозяйство⁵⁵. Нигде мы не встречаемся с указанием о централизованном ведении хозяйства на государственных («дворцовых», «царских») землях, хотя государственная власть заботилась о том, чтобы производители (индивидуальные «дома» в «дворцовом хозяйстве») вели хозяйство надлежащим образом. Об этом красноречиво свидетельствуют царские «Инструкции для начальника округа»⁵⁶. Во многих пунктах страны были «дворцы» — административно-хозяйственные центры (resp. «Дома царя», «Дома города Хаттусы»⁵⁷ и т. д.). Судя по «дарственным» текстам, эти «дворцы», находившиеся в разных поселениях, имели поля, нивы, огороды, фруктовые сады. В документах делалось различие между «полем, принадлежащим дворцу» и «полем, принадлежащим плугарям» (подобно тому как во владениях храмов различали «поле бога» и «поле плугаря»). Как видно из других документов, «поле дворца», «поле бога» обрабатывались в порядке трудовой повинности (отработанная рента) земледельцами — зависимыми от дворца или храма работниками⁵⁸. Нередко в роли таких самостоятельных работников дворцового хозяйства могли выступать и многочисленные депортированные (пленные) (NAM.RA)⁵⁹.

⁵⁰ См. в переводе И. М. Дунаевской. — ВДИ, 1954, № 4; в переводе В. В. Иванова. — Хрестоматия по истории древнего мира. М., 1980 (далее — ХИДМ).

⁵¹ *Гиоргадзе Г. Г.* Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства. Тбилиси, 1973, с. 39.

⁵² Там же, с. 53—54.

⁵³ Там же, с. 54.

⁵⁴ Там же, с. 80—81.

⁵⁵ Там же, с. 82.

⁵⁶ Там же, с. 166 сл.

⁵⁷ Там же, с. 169.

⁵⁸ Там же, с. 170.

⁵⁹ Там же, с. 171

Поскольку под термином *мушкену* в аккадском подразумеваются «царские люди» — зависимые от царя, сидящие на царской земле лица, приобретает важное значение употребление этого термина в хеттских документах. Оно также указывает на наличие в этом регионе в означенное время царского (resp. государственного) землевладения. В некоторых текстах прямо говорится о «дворцовых *мушкену*» (É. GAL^{LIM} LU^{MAŠ}.EN. KAK — см. KUB, VIII, 75 + Во 4214 + Во 8091) ⁶⁰. В итоге одного из изданных Вл. Соучеком списков земельных участков сказано: «Итого 88 полей *мушкену*, и их семья содержит 465 parisu; все вместе же 525 parisu вместе с дворцовым *мушкену*» ⁶¹ (последние, видимо, жили в самом дворце, а не отдельно от него). Постоянное указание в кадастровых списках количества семян, необходимого для засева того или иного земельного участка, может указывать на возможность предоставления посевного зерна этим земледельцам дворцом. Нам известно из других документов о наличии такой практики в отношении депортированных (NAM.RA) и других «царских людей». В одном из хеттских документов, видимо, речь идет об обещании царя вернуть ранее конфискованный им скот *мушкену* ⁶². В связи с дворцом или храмом упоминаются *мушкену* и в некоторых других хеттских текстах ⁶³.

Уже с эпохи Древнехеттского царства мы располагаем сведениями о существовании определенного государственного учреждения — «Дома печати» (É^{NA}. KISIB-pir šijannaš). Согласно А. Гетце, имеются в виду кладовые (хранилища), где накапливались запасы зерна ⁶⁴. В эпоху Новохеттского царства «Дом печати» также многократно упоминается, и видно, что речь идет о месте, где хранилась, в частности, дань, поступавшая из разных местностей. Скорее всего перед нами учреждение, ведавшее налогами, данью и т. п. ⁶⁵. Поэтому привлекают внимание сведения «Указа Телепину» (§ 37—40) о передаче «Дому печати» целого ряда (вероятно, 34-х ⁶⁶) населенных пунктов (по всей видимости, на восточной периферии Хеттского царства). Этот случай может служить известным примером того, как могло происходить подчинение земледельческого населения царской власти, превращение его в «царских земледельцев». Конечно, исходным для этого процесса могли быть завоевания хеттских царей, подчинение ими силой оружия завоеванных и присоединенных к царству регионов Малой Азии.

В процессе присоединения к царству все новых и новых территорий происходило, видимо, и расширение фонда государственных земель. Такими становились в первую очередь все пустующие земли; кроме того,

⁶⁰ Souček V. Die Hethitischen Feldertexte. — ArOr, 1959, 27, S. 26—27 (ср. Diakonoff I. M. Die hethitische Gesellschaft. — MIO, 1967, B. XIII, Ht. 3, S. 362 f.).

⁶¹ Souček. Op. cit.

⁶² Souček V. Randnotizen zu den hethitischen Feldertexten. — MIO, 1963, B. VIII, Ht. 3, S. 382.

⁶³ Ibid., S. 375—378.

⁶⁴ Goetze A. Kleinasien. München, 1957, S. 103, Anm. 7.

⁶⁵ Гиоргадзе. Ук. соч., с. 239; Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, с. 97 и др.

⁶⁶ Исходя из некоторых указаний текста, Г. Г. Гиоргадзе считает, что речь шла о 94-х селениях, из них в 60-ти выполнялись работы по заготовке зерна, а в остальных 34-х — по заготовке кормов для скота (ук. соч., с. 223 сл.). Анализ § 39 привел Г. Г. Гиоргадзе к заключению, что эти поселения не платили должного количества зерна, ограничивались уплатой ничтожной его части — с одного или двух гипессар земли. Видимо, с передачей этих поселений государственному ведомству, «Дому печати», положение должно было измениться (в этом смысле и следует понимать слова Телепину в § 39 «зерно я умножил» — ук. соч., с. 225 сл.). Конечно, в данном тексте не все до конца ясно, однако если упоминаемые в § 39 «плугари» (т. е. земледельцы) в самом деле становятся непосредственно подчинены «Дому печати», то общий смысл распоряжения царя Телепину можно представить следующим образом: в виде наказания за недобросовестную уплату налогов, они непосредственно подчиняются государственному ведомству, ведающему сбором налогов, дани, и фактически превращаются, если не полностью, то во всяком случае наполовину, в «царских людей».

общины обязывались выделить определенное количество земли «дворцу» для наделения ею «людей службы» (см. ниже). Остальное население должно было платить дань (в вассальных регионах) или же выполнять государственные повинности (*саххан* и *луцци*, — видимо, натуральные взносы и трудовая повинность), если оно специально не освобождалось от этого. Очевидно, имела тенденция дальнейшего подчинения такого населения тому или иному государственному ведомству, передачи целых поселений с сидевшими на их землях производителями храмам, крупным должностным лицам, членам царского рода и т. д. Такие ведомства отчасти, видимо, занимались и поставкой военных отрядов для центральной власти⁶⁷.

Правда, существовал, видимо, отдельно царский земельный фонд, из которого делались дарения, удовлетворялись земельными участками «люди службы» и т. д., но неправильно было бы думать, что этим и ограничивались позиции государства в экономике. Несомненно, и обширные храмовые владения фактически являлись частью «государственного сектора экономики». В той или иной мере под властью государства находились и имения членов царской семьи и крупных сановников. Считалось, видимо, также, что все завоеванные области превращались в царское достояние; в случае, если там оставался прежний властитель, то по договору земли «возвращались» ему царем (так, например, в договоре с правителем Угарита Никмешой Мурсили II говорит: «...страна, которую я тебе возвратил, и ты, Никмеша, с твоей страной, вы — мои рабы...»)⁶⁸. Если иметь в виду, что преобладающая часть территории Хеттского царства могла считаться подобным образом завоеванной, то легко понять, сколь обширная территория могла теоретически считаться царской собственностью, «возвращенной» прежним владельцам и пользователям. Но это было также и основанием для выполнения держателями этих земель определенных повинностей по отношению к царской власти, государству. Основными среди них, по-видимому, являлись повинности *саххан* и *луцци*. Правда, кроме «*саххан* и *луцци* царя» существовали «*саххан* и *луцци* бога» (т. е. храма), «*саххан* начальника области», «*саххан* начальника города» и т. д.⁶⁹ Возможно было также освобождение от этих повинностей; освобождался, например, «царский дар» — земельный участок (см. ХЗ, § 47А; впоследствии для этого требовалось специальное царское распоряжение, см. ХЗ, § XXXIX), освобождалась от государственных повинностей передаваемые культовым учреждениям хозяйства (см. КУВ, XIII, 8, цитированное выше); освобождалась некоторые иреческие «дома» (см. ХЗ, § 50, 51), освобождалась даже целые поселения⁷⁰ и т. д., но, как правило, все земледельческое население выполняло означенные повинности в пользу государства (царя). Видимо, как полагают исследователи, сельские общины вообще органически входили в государственную систему, рассматривались государством как государственной собственностью⁷¹.

В этом аспекте привлекает к себе внимание § 39 ХЗ⁷², в котором речь идет о случае занятия «жителем селения» (LÜ ULÜ^{LU}-aš), т. е. «общинником», полей «другого (человека)» (видимо, также общинника, члена той же общины, жителя того же селения). В подобном случае первый должен

⁶⁷ Так, например, в хеттском документе КВо, IV, 10, 1 сказано: «...царь и царица следующее предписание дали: конные и пешие войска, которые в Хатти Каменный дом страны Хулая посылал, от (всего) этого его царь освободил. И он (т. е. царь Датасса) в будущем пусть в походную армию Хатти 200 (воинов) посылает. А посылаемый Каменным домом контингент впредь не потребуют. И этот контингент (для) саххан и луцци богов будет возвращен: одни для службы в храме, другие — для обработки земли (?)...» (см. *Менабде*. Хеттское общество, с. 92—93).

⁶⁸ Там же, с. 108 сл.

⁶⁹ *Гиоргадзе*. Ук. соч., с. 111, прим. 62.

⁷⁰ *Гиоргадзе Г. Г.* Государственные повинности в хеттском обществе.— Кавказско-ближневосточный сборник, 1977, V, с. 11.

⁷¹ Там же, с. 13.

⁷² См. *Imparatti F.* Le Leggi Ittite. Roma, 1964, p. 56—57; *Иванов*.— ХИДВ, с. 276.

выполнять также повинность (*ṣahhan*); если же он бросит эти поля и некто другой (видимо, на этот раз — житель не того же селения) займет их, то *саххан* переходит на последнего, однако тот не может продать поля (как принадлежащие данной общине?).

В § 46 ХЗ, видимо, предполагается случай, когда член семейной общины в виде наследственной собственности (*iwaru*) получает земельный участок: при этом наряду с *саххан* он должен выполнять и другую повинность — *луцци*, если получает находящуюся в распоряжении больше-семейной общины землю целиком. Однако, если он получает лишь часть ее, — *луцци* выполняют «(люди) из дома его отца», т. е. та большесемейная община, от которой он откололся. Однако если земельный участок предоставлен ему («сообществом земледельцев» (*ku-li-i*) или «жителями селения» (*LUMESURULIM*), то он выполняет (наряду с *саххан*?) и *луцци*. Из данного параграфа ХЗ можно заключить также, что *саххан* и *луцци* выполняли общинники, притом последнее (*луцци*) выполнялось сообща большесемейной общиной⁷³.

Видимо, в более древнюю эпоху, в период составления I таблицы ХЗ, исключение допускалось для человека, получившего земельный участок в качестве «царского дара», — он освобождался от выполнения *луцци* (§ 47А), однако по позднему варианту (III таблица, § 39) он должен нести эту повинность, если царь специально не освободил его от этого. § 47В содержит аналогичное § 46 указание на то, что если человек получает поле от «сообщества земледельцев» (*ku-li-i*) или «жителей селения» (*LUMESURULIM*) (т. е. от общины в целом), то он выполняет *луцци*. *Луцци* выполняли также общины посаженных на землю пленных (*LURIPPARAS*), притом оговорено, что члены таких общин не имели права отчуждения своего поля или виноградника (ХЗ, § 48).

Царская власть порой освобождала от выполнения государственных повинностей определенные группы населения, хотя чувствуется тенденция постепенно сузить этот круг лиц (ср. также выше, ХЗ, § 47А). Так, в § 50 сказано: «У людей священного звания, которые имеют обрядовую власть в городах Нерик, [Аринна] и Ципланта, и у жрецов во всех городах дома (т. е. хозяйства — *Г. М.*) свободны, но „люди их наследственной доли“ (*LUMES NA.LA-SU.NU*) должны [выполнять] *луцци*». А § 51 гласит: «Прежде дом того, кто становился ткачом в городе Аринна, был свободным [от повинностей] [и] люди его... (*LUMES NI-SU-U.SU* (т. е. подчиненный рабочий персонал „дома“ — *Г. М.*) были свободны. Теперь же [только] его собственный дом (малая семья? — *Г. М.*) свободен, а люди его [наследственной] доли и его люди [люди его дома] должны выполнять *саххан* и *луцци*. В городе Ципланта то же самое».

Интересен в этом отношении и § 54, в котором говорится: «Прежде войны (*ERINMES*) манда, войны сала, войны городов Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува, лучники, плотники, конюшие и их люди карухала не выполняли *луцци* и *саххан*».

Видимо, «люди повинности» (*LUMES IL-KI* — возможно — «люди *саххан*») страны Хатти (т. е. центральной области Хеттской державы) также захотели освободиться от выполнения повинностей, но царь, к которому они обратились с этой просьбой, отказал им (§ 55).

Конечно, царская власть отказывалась от получения *саххан* и *луцци* в свою пользу, как об этом уже говорилось выше, когда земельные угодья с прикрепленными к ним производителями передавались в дар храмам или же крупным сановникам, членам царского рода и приближенным ко двору лицам. Вероятно, это специально было оговорено в дарственных документах (примером может служить указанная выше дарственная грамота царицы Асмуникал «Каменному дому» — KUB, XIII, 8).

⁷³ В качестве аналогии можно привести обстановку в средневековой Грузии, где повинность налагалась на полный хозяйственный комплекс — *пудзе*.

Конечно, еще не все понятно в вопросе о государственных повинностях — *саххан* и *луци*. В частности, до сих пор не ясно, в чем конкретно они заключались, хотя на этот счет высказано немало разных предположений. Дальнейшего уточнения требует также вопрос о том, какой круг населения был освобожден от этих повинностей. Ясно, что повинностями облагались низшие слои населения — общинники-земледельцы, ремесленники, низшие слои жрецов и воинов, наконец, посаженные на землю и самостоятельно хозяйствующие пленные. Верхи общества (военная верхушка, старшее жречество, высшие сановники и члены царского рода) такие повинности, видимо, не несли. Таким образом, в отличие от верхнего слоя «царских людей», «людей службы» низший слой «людей службы», получавших земельные наделы за службу из царского (государственного) земельного фонда или специально выделенного общинами для царской службы земельных участков, как выясняется, нес государственные повинности.

К последней категории населения, видимо, следует отнести людей, обозначаемых в хеттских текстах терминами $L\dot{U} IL-KI$, $L\dot{U} MA\dot{S}.EN.KAK$ (*мушкену*), $L\dot{U} GISTUKUL$. О *мушкену* выше уже шла речь. Сейчас нам следует остановиться на вопросе о людях $IL-KI$ и $GISTUKUL$. Эти термины порой близки по содержанию, во всяком случае, такое впечатление создают некоторые параграфы ХЗ. $L\dot{U} IL-KI$ и $L\dot{U} GISTUKUL$ упоминаются рядом, в частности, в § 40—41 ХЗ. § 40 фиксирует положение, когда $L\dot{U} GISTUKUL$ «исчезает» и его земельный участок освобождается. Преимущественным правом занятия этого участка пользуется находящийся рядом «человек повинности» ($L\dot{U} IL-KI$), но он должен принять на себя и связанные с этим участком «службу» ($GISTUKUL$ — см. ниже) и выполнение *саххан* (связанное с владением поля $IL-KI$?). Если он на это не согласен, то земля переходит в распоряжение общины (URU), члены которой должны обрабатывать ее. Видимо, поле «человека службы» в данном случае было выделено из общинного фонда. Однако возвращается оно общине лишь временно. Царь в любой момент может вновь завладеть им, если найдет соответствующего исполнителя «службы». Таким в § 40 назван «депортированный» ($NAM.RA$). Видимо, в данном случае (как и в следующем за ним § 41) $L\dot{U} IL-KI$ соответствует старовавилонскому *nāsi biltim* (*мушкену*?) и обозначает человека, который занимает земельный участок на царской земле и за это выполняет соответствующие повинности (*саххан*, в частности). В § 41 говорится уже о случае, когда освобождается поле этого последнего («исчезает $L\dot{U} IL-KI$ »). В данном случае преимущественным правом присоединения его выступает находившийся вблизи «человек службы» ($L\dot{U} GISTUKUL$), но от него требуется, чтобы он выполнял наряду со службой также и *саххан*, с которым связывается владение «полем $IL-KI$ ».

Из сказанного следует, что, несмотря на близость $L\dot{U} GISTUKUL$ и $L\dot{U} IL-KI$ (оба они в широком смысле являются «людьми службы»), между ними есть и различие: $L\dot{U} GISTUKUL$ сидит на выделенной общиной для царской службы земле, а $L\dot{U} IL-KI$ — на собственном царской земле, вероятно, поэтому, если не находят заместителя $L\dot{U} GISTUKUL$, его поле передается общине (§ 40), а в случае невозможности заменить $L\dot{U} IL-KI$ его поле передается дворцу, а *саххан* упраздняется (§ 41).

Впрочем, $L\dot{U} GISTUKUL$ выполнял, видимо, *луци* (некоторые исследователи переводят этот термин вообще как «служба»)⁷⁴, как можно заключить из ХЗ § 47В. Даже продажа части земельного надела не освобождала его от повинностей. Лишь при продаже всего поля выполнение *луци* переходило к новому владельцу⁷⁵. А в § 52 говорится, что «слуга

⁷⁴ См., например, Иванов.— ХИДВ.

⁷⁵ Привлекает к себе внимание поздний вариант § 47В (§ XXXVII), где, возможно, предусматривается случай, когда покупатель всего поля у $L\dot{U} GISTUKUL$ не в состоянии нести службу прежнего владельца поля (в данном случае, исходя из контекста,

Каменного дома, слуга сына царя [и] начальник [над] супшату, которые имеют поля среди [полей] людей LU^{G1STUKUL}, должны выполнять луци (службу?)».

В ХЗ часто упоминается LU^{HA.LA-SU} «человек доли». Особенно часто фигурирует эта категория людей именно в связи с LU^{G1STUKUL} («человеком службы»). Видимо, подразумевалось, что люди данной категории часто были лишены возможности индивидуально заниматься обработкой земельного участка и, следовательно, нуждались в сотовариществе с другим «дольщиком». § 53 специально посвящен разделу имущества между LU^{G1STUKUL} и его дольщиком: «Если человек службы (LU^{G1STUKUL}) и человек его доли (LU^{HA.LA-SU}) живут вместе, [и] [если они поссорятся] и решат разделить свое домашнее имущество, [то] если на их земле было 10 человек, LU^{G1STUKUL} должен взять 7 человек и человек его доли должен взять 3 человека. Быков и овец на своей земле они должны поделить таким же образом. Если кто-нибудь имеет дар царя с [особой] клинописной таблицей [об этом даре], [то] в случае, если они будут делить свои прежние поля, LU^{G1STUKUL} должен взять две трети дара, а человек его доли должен взять одну треть».

Выше мы термин LU^{G1STUKUL} (дословно «человек оружия (орудия)») все время переводили как «человек службы», но, как известно, специалисты чаще всего переводят его после исследования Ф. Зоммера⁷⁶ как «ремесленник» (= человек орудия). Раньше предпочтение отдавалось переводу «воин» (= человек оружия), этого перевода придерживаются некоторые исследователи и ныне⁷⁷. Ф. Зоммер в свое время указал на некоторые тексты, в том числе на известную дарственную грамоту царя Арнуванды и царицы Асмуникал (KBo, V, 7)⁷⁸, где фигурируют шесть LU^{G1STUKUL}: два повара, один валяльщик (сукновал), один изготовитель хурритских рубашек, один кожевник, один конюх. Это дает исследователю возможность предложить для LU^{G1STUKUL} значение «ремесленник», хотя он полагает, что в социальном смысле этим словом обозначался довольно широкий круг людей (например в ХЗ) — *Bürgerklass, Kleinbürger* («мелкий буржуа»), наподобие афинских «демиургов».

В клинописи, как известно, идеограмма LU^{G1STUKUL} имеет значение «(боевое) оружие». И в хеттских текстах означенная идеограмма не раз употреблена в таком же значении. Можно, например, привести хотя бы то место из «Указа Телепину», где царь наказывает представителей знати, совершивших преступление, превращая их в земледельцев («людей плуга»), и где говорится, что он «забрал у них с правого плеча LU^{G1STUKUL}^{HI.A} (т. е. оружие. — Г. М.) и дал им плуг». Также в значении боевого оружия многократно выступает данная идеограмма в известной «Автобиографии» Хаттусили III (см. I, 42; II, 46; IV, 45) и т. д.

Г. Гютербок приводит мнение П. Гарелли, который двоякое толкование термина LU^{G1STUKUL} объясняет тем, что у хеттов не делалось различия между военной и другого рода службой⁷⁹. Поэтому, заключает Гютербок, «awil kakki (т. е. LU^{G1STUKUL}. — Г. М.) könnte zur Bezeichnung einer zu irgendwelchen Dienstleistungen Verpflichteten geworden sein, unter denen schliesslich die zivilen überwogen». Аналогичная близость

можно предполагать военную службу). В таком случае, если прежний владелец (т. е. LU^{G1STUKUL}) жив и его «дом» существует, обязательство несения службы все еще, видимо, остается за ним, а в случае, если LU^{G1STUKUL} погиб, новый владелец обязан выполнить повинность *saxzan*, которую ему установит царь.

⁷⁶ Sommer F., Falkenstein A. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). — ABAB, 1938, Ht. 6, S. 122—133.

⁷⁷ Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft, S. 331 f.

⁷⁸ См., например, Riemschneider K. Die hethitischen Landsschenkungsurkunden. — MIO, 1958, VI, № 3, S. 344 f.

⁷⁹ Güterbock H. G. Bemerkungen zu den Ausdrücken *ellum, wardum* und *asirum* in hethitischen Texten. — BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 95.

военно- и невоеннообязанных служилых людей наблюдается и в древней Вавилонии: в § 36—38, 413X в одном контексте перечисляются *редум*, *баирум* (т. е. воины) и *naši biltim* (= *мушкену*?). В письме Самсуилуны также вместе перечисляются *редум*, *баирум* и *мушкену*⁸⁰.

В хеттских текстах под ^{G1}STUKUL или LÜ ^{G1}STUKUL, следовательно, но, не всегда могло подразумеваться одно и то же. Термин мог обозначать то воинов, то лиц, занимающихся ремеслом. Не ясно также, в чем состоит различие терминов ^{G1}STUKUL и ^{G1}STUKUL GID.DA и т. д. Видимо, термин имел и определенное социальное значение, обозначая «служилых людей» и, таким образом, мог приобрести еще одно значение — «службы» вообще. Некоторые хеттские тексты дают этому примеры⁸¹. Использование в упомянутых хеттских документах формы ^{G1}STUKUL в общем значении «служба» дает нам основание понимать этот термин таким же образом и в ХЗ.

О том, что «люди службы» занимали вполне определенное место в социальной структуре хеттского общества (как, впрочем, и обществ других древних ближневосточных стран), свидетельствует упоминание этой категории людей в межгосударственных договорах, заключенных хеттскими царями. Из этих документов следует, как нам кажется, что эта категория людей занимала среднее положение в обществе, между занятым в непосредственном производстве населением и привилегированными слоями общества. В этом аспекте характерны договоры, заключенные царем Мурсили II с правителями вассальных «княжеств» *Haralla* и *Mira-Kuualia*, в которых в основном в одних и тех же выражениях фиксируется традиционное для такого рода документов соглашение о выдаче беглецов (цитируем по договору, заключенному с правителем *Haralla*): «Если из страны *Haralla* ... человека длинной службы или свободный (человек) в страну *Hatti* какой-нибудь беглецом придет, его обратно я не выдам, (так как) из *Hatti* беглеца обратно выдавать не принято. Если же он плугарь или ткач, плотник, кожевник, кто-нибудь, выполняющий какое-нибудь ремесло и он работу не выполняет, и он бежит и приходит в страну

⁸⁰ См. Дьяконов. ЗВАХ, с. 266.

⁸¹ Так, в «Молитве, обращенной к богине Лельвани», составленной от имени царицы Пудухены, среди «домов» *NAM.RA*, передаваемых храму, упоминается «дом» женщины *Мамма* и сказано: *E^{SAL}Ma-am-ma 2 SAL 2 DUMU.NITA 1 LU SU.[NIGIN 5 SAG.DU^{MES}]A-NA^{SAL}Ma-am-ma-kán LU^{SU}.DIB še-ir ar -h[la] tar-na-an-za SANGA-eš-ni-aš-kán ka-ru-u an-da [DIB-an-za] A-NA^{G1}STUKUL-ma-aš-ši E-PIS GA ar-ta-ri* «Дом Маммы: две женщины, два мальчика, один мужчина. Все [его пять голов]. Мамме (также) пленный (был) предоставлен. Раньше он был [взят] (для службы) жречеству. (Теперь) же для услуги ей (т. е. Мамме, или „ему“ — „дому“.) он доильщиком стоит» (перевод: *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 71; Ср. *Otten H., Souček V. Das Gelübde der Königin Puduhera ana die Göttin Lelwani.* — In: *Studien zu den Bogazköy-Texten.* Wiesbaden, 1965, Ht. 1). Интересно отметить, что стоящая в последней строке формула *A-NA^{G1}STUKUL-ma-aš-ši E-PIS GA ar-ta-ri* встречается и в других параграфах данного текста, но с тем отличием, что вместо *(LU) E-PIS GA* «доильщик» стоит то «хлебопек» (*LÜ NINDA.DÜ.DÜ*), то «пчеловод» (*LÜ NIM.LAL*) (см. *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 123 сл.). Правда, специалисты порой по-разному понимают в этой формуле оканчивающую ^{G1}STUKUL-ma-aš-ši энклитическую частицу дательного падежа личного местоимения ед. ч. — *ši* («ему», «ей»): по мнению одних, она относится к Мамме или к ее дому, или к божеству Лельвани, по мнению же других, — к «пленному» (*NAM.RA*). Однако в понимании самого ^{G1}STUKUL специалисты единодушны, переводя его как «услуга», «служба». Г. Г. Гиоргадзе недавно обратил внимание на текст KUB, 48, 105, в котором ^{G1}STUKUL также употребляется в значении «служба». В дарственной одного из хеттских царей (Мурсили II? Хаттусили III? Тутхалии IV?) храмам страны при передаче «домов» *NAM.RA* часто обозначена цель этого акта: ^{G1}STUKUL DU-(an)zi, что должно переводиться следующим образом: «они (депортированные) должны нести (делать) службу?» (*Giorgadze G. Einige Bemerkungen zum hethitischen Text KUB, 48, 105.* — In: *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I. M. Diakonoff.* Warminster, 1982, p. 110).

Натти, то я его схвачу и обратно выдам»⁸². Как мы видим, составитель договора отличает «людей службы» как от непосредственных производителей, занятых в земледелии или ремесле, так и от «свободных», хотя упоминает их рядом с последними и одинаковое к ним отношение подчеркивают близость «людей службы» к категории «свободных».

Противопоставление «людей службы» (LÜ^GISTUKUL) «рабам» и определенная близость к категории «свободных» налицо и в другом договоре, заключенном хеттами с северо-восточными горцами — кашками. В этом документе сказано, что «если из страны хеттов беглец появится среди кашков, если это — раб (IR), который имущество своего господина (ŠA BE-LI-SU) прихватил с собой, или если это LÜ^GISTUKUL („человек службы“), который имущество своего товарища (ŠA TAP-PI-SU) захватил с собой»⁸³, то это имущество должно быть возвращено, но самого беглеца не выдадут. Так же должны обойтись с беглецом из кашков, прибывшим в хеттскую страну, будь он «раб», который утварь своего господина привез, или «свободный» (LÜ^UEL-LU(M)), который прихватил с собой утварь своего товарища⁸⁴.

Обыкновенно на этом основании заключают, что договор в качестве синонимов употребляет LÜ^GISTUKUL и LÜ^UEL-LU(M), т. е. «свободный»⁸⁵, но полного тождества здесь могло и не быть. Среди хеттских беглецов названы «рабы» и «люди службы», — вероятно, наиболее часто встречающиеся в подобной ситуации слои населения (опущено упоминание верхнего слоя — ср. предыдущий договор). Что же касается стоящего на более низкой ступени развития кашского общества, то ему несомненно, был чужд слой «служилых людей»: структура его общественной организации была проще, включая свободных и немногочисленных рабов. Естественно, что лишь этими категориями оно представлено в договоре.

Для интерпретации LÜ^GISTUKUL как «свободный» дает основание также общепринятое в настоящее время восстановление в § XXX X3 LÜ^UEL-LUM на месте LÜ^GISTUKUL § 40, поздним вариантом которого является означенный § XXX⁸⁶. Однако, на наш взгляд, LÜ^UEL-LUM в этом месте совершенно неуместно: старое восстановление LÜ IL-KI (LÜ EL-[KI]) «человек повинности» гораздо более предпочтительно⁸⁷. Даже если допустить, что в § XXX первоначально стояло LÜ^UEL-LUM, это должно быть признано ошибкой.

Все сказанное позволяет отнести LÜ^GISTUKUL («людей службы») в своей основной массе к низам «свободной» прослойки общества. Впрочем, в категорию «людей службы», видимо, могли попасть и отдельные юридически «несвободные» — пленные, депортированные. В документах не раз идет речь, в частности, о предоставлении полей «человека службы» (LÜ^GISTUKUL) депортированному. В § 40 X3, например, говорится, что царь может дать депортированному (NAM.RA) освободившееся поле «человека службы» и тогда тот «должен стать (человеком службы)» (LÜ^GISTUKUL). О предоставлении поля LÜ^GISTUKUL депортированному (NAM.RA) говорится и в § 112 X3. Депортированные в связи со «службой» (LÜ^GISTUKUL и LÜ^GISTUKUL GÍD.DA) не раз упоминаются и в других документах⁸⁸. То, что «человеком службы» мог стать и депортированный,

⁸² Giordagze G. Die Begriffe «Freie» und «Unfreie» bei den Hethitern.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1974, t. XXII, fasc. 1—4, S. 301.

⁸³ Ibid., S. 302.

⁸⁴ Это указание находит отклик в X3, где постоянно идет речь о взаимоотношениях LÜ^GISTUKUL и «человека его доли» (LÜ HA-LA-SU) — см. § 53 и др.

⁸⁵ См. Giordagze. Die Begriffe «Freie»..., S. 303.

⁸⁶ См. Sommer, Falkenstein. Op. cit., S. 130 f. (также в изданиях: Friedrich J. Die Hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, S. 54, Anm. 11; Imparatti. Op. cit., p. 108).

⁸⁷ См. Hrozný F. Code Hittite provenant de l'Asie Mineure. P., 1922, p. 90, 91, not. 3; Дьяконов. ЗВХ, с. 283.

⁸⁸ См., например, Giordagze. Очерки..., с. 79; Giordagze. Einige Bemerkungen..., p. 113.

т. е. юридически несвободный человек, наводит на мысль о том, не следует ли понимать цитированную выше фразу из хеттского договора LU^{G1S}TUKUL GID.DA na-aš-[ma] LU^UEL-LU(M) не как «человек длинной службы или свободный человек», но как «человек длинной службы и притом свободный» (pašma может иметь также значение «и притом», т. е. речь могла идти о юридически свободном «человеке службы» в отличие от несвободного «человека службы».

Поля LU^{G1S}TUKUL, как известно из ХЗ, могли быть проданы как полностью, так и частично (§ 47В); часто в «доме» «человека службы» был также «человек его доли», — возможно, лицо, которое вело хозяйство в отсутствие «человека службы», занятого выполнением своих служебных обязанностей. «Человек его доли» (LU^U HA.LA-ŠU) имел довольно ощутимые права при дележе имущества — он получал хотя и меньшую, но все же определенную долю этого имущества (см., например, § 53)⁸⁹.

Как из цитированных выше мест хеттских договоров, так и из других документов явствует, что самой низшей категорией хеттского общества считались люди, занятые непосредственным сельскохозяйственным или ремесленным трудом («плугари», т. е. земледельцы, пастухи и разного рода ремесленники: ткачи, плотники, кожевники и т. д.). Среди них могли быть как юридически свободные, так и несвободные, но они по своему экономическому и фактическому положению стояли так близко друг от друга, что их, видимо, часто объединяли в одну категорию, обозначенную в хеттских документах одним общим термином «голова рабынь и рабов» (SAG. GEME. IR^{MES}). Однако ХЗ, по нашему мнению, как и подобает правовому документу, термины «раб» (IR) и «рабыня» (GEME) употребляют в отношении юридически несвободных. Тем более характерно, что положение этих «рабов» предстает перед нами довольно своеобразным: допускались их браки со свободными людьми, они являлись платежеспособными лицами и вообще субъектами права — персонально отвечали за совершенные ими преступления, имели имущество. Их отношения с господином имели форму личной зависимости, до известной степени экономического характера, так что их нельзя считать полной собственностью хозяина⁹⁰. «Голова рабынь и рабов» передавались царской властью храмам или представителям знати в составе отчуждаемого недвижимого имущества, а не отдельно от него, они были прикреплены к передаваемым хозяйствам, в рамках которого, как правило, имели в пользовании свои земельные наделы, свой домашний скот, жили «домами», самостоятельно вели свое хозяйство и т. д. И. М. Дьяконов полагает, что этих хеттских «рабов» скорее следует сопоставить не с рабами, а с категорией людей *мушкену* древней Месопотамии⁹¹.

Весьма обстоятельно изучена эта категория хеттского общества в трудах Г. Г. Гиоргадзе⁹². Им фиксируется, в частности, наличие отдельных моментов, характерных для нерабовладельческих производственных отношений, например, прикрепление непосредственного производителя к земле, наделение его средствами производства вообще и землей, в частности, наличие дворцовой (царской) или храмовой отработочной ренты — «барщинного труда», т. е. такой формы нерабского труда, при которой

⁸⁹ О положении LU^{G1S}TUKUL в хеттском обществе обстоятельно говорится в исследовании: *Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft.*

⁹⁰ См. *Попов В. В.* О статусе рабов в хеттском обществе (По данным § 93—99 «Хеттских законов»). — ВДИ, 1969, § 3, с. 74—80—81 и др.; *Gornelius F.* Das Hethiterreich als Feodalstaat. — BAW, Philos.-hist. Kl. Abh. NF, 75, München, 1972, S. 31 f.; *Coroşec V.* Einige Beiträge zur gesellschaftlichen Struktur nach hethitischen Rechtsquellen. — Ibid., S. 109—111.

⁹¹ См. *Diakonoff. Die hethitische Gesellschaft*, S. 361 f. (также: *Gurney. The Hittites*, p. 71—72).

⁹² См. особенно: *Гиоргадзе. Очерки...; он же.* Некоторые формы нерабской эксплуатации в Хеттском обществе. — Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1980, VI.

необходимый труд непосредственного производителя был отделен от прибавочного в пространстве и во времени⁹³. Царица Асмуникал передает «Каменному дому» ремесленников, плугарей, пастухов и овцепасов «вместе с их домами (и) их поселениями». Передаваемые лица явно прикреплены к хозяйству «Каменного дома»: так, они не могли выдать за его пределы своих сыновей и дочерей в качестве зятьев и невесток. Никто не мог приобрести полей, лесонасаждений, садов, виноградников и «душ» (т. е. рабов), входящих в состав хозяйства «Каменного дома»⁹⁴. Вместе с тем сами люди «Каменного дома» могли все это купить, что является бесспорным свидетельством как наличия у них своих собственных средств; так и права личного распоряжения ими; имелся у них также скот и т. д.⁹⁵. Видимо, все эти люди и их поселения и до передачи их «Каменному дому» были зависимыми от царской власти⁹⁶.

Непосредственные производители, входившие в состав храмового хозяйства, имели в своем распоряжении, с одной стороны, «свое поле», а с другой, «поле бога» (т. е. храма), обработка которых входила в их обязанности. Если они в нарушение обычая не приносили «первых плодов урожая» богу (т. е. храму), то согласно «Инструкции для служителей храма» должны были заплатить штраф — одного быка и 10 овец; следовательно, кроме своего поля у них имелся и свой скот⁹⁷. Поле (как «свое», так и «бога») они, видимо, обрабатывали при помощи своего инвентаря и тягловой силы⁹⁸. В храмовом хозяйстве и пастухи имели в своем распоряжении, кроме скота храма (бога), также принадлежащий им скот. Имелся у них и «дом», а также земельный участок — «поле»⁹⁹. Эти зависимые от храма производители могли иметь и своих рабов.

Также и в собственно дворцовом хозяйстве различаются «поля дворца» и «поля плугарей» (земледельцев). Видимо, последние трудились на дворец и на себя в разное время и в разных местах. В одном из «предписаний» говорится: «Если в доме (находится) один муж[чина?], то он в течение четырех дней [работу] дворца пусть выполняет, а в течение четырех дней (?) работу своего дома пусть выполняет», а в другом документе сказано: «Если в доме (есть) четверо мужчин, то двое мужчин пусть выполняют работу для дворца, двое мужчин пусть выполняют работу для (своего) дома»¹⁰⁰. В тексте, упоминающем *MUSKENURUM*, налицо разделение работ на «царские» (*LUGAL-uas KIN^{III.A}*) и «работу дома» (*É KIN*)¹⁰¹.

Часто, как говорилось выше, сажали на землю (в царско-дворцовом, храмовом или в вельможных хозяйствах) и депортированных (*NAM. RA*), при том также «домами», которые состояли отчасти из родственников, отчасти же были искусственными соединениями. Известны и общины — искусственные корпорации пленных (*tuikkanza*)¹⁰². Однако основную часть непосредственных производителей в храмовых, дворцовых или частных крупных хозяйствах составляли зависимые мелкие земледельцы местного происхождения. Их «дома», так же как «дома» посаженных на землю депортированных, самостоятельно вели свое хозяйство, выполняя при этом ряд повинностей¹⁰³. Конечно, в Хеттском царстве были и настоящие рабы — челядь (эти порой использовались, вероятно, и в сельскохозяйственном и другом производствах), применялся и наемный труд¹⁰⁴ и т. д.

⁹³ Гиоргадзе. Очерки..., с. 96; он же. Некоторые формы..., с. 52, 56.

⁹⁴ Он же. Очерки..., с. 34.

⁹⁵ Там же, с. 36.

⁹⁶ Там же, с. 39.

⁹⁷ Там же, с. 45—46.

⁹⁸ Там же, с. 47.

⁹⁹ Там же, с. 50—51.

¹⁰⁰ Там же, с. 55—56.

¹⁰¹ См. Гиоргадзе. Некоторые формы..., с. 54.

¹⁰² См. *Diakonoff*. Die hethitische Gesellschaft, S. 365; Гиоргадзе. Некоторые формы..., с. 77 сл.

¹⁰³ Гиоргадзе. Очерки..., с. 93.

¹⁰⁴ Он же. Некоторые формы..., с. 48 сл.

Важным феноменом, выступающим особенно ярко в хеттских источниках, является наблюдаемый и в других древнеближневосточных регионах в эту эпоху (см. выше) процесс нивелировки экономического положения местного зависимого и депортированного населения (=посаженных на землю рабов-военнопленных), сопровождаемый, вероятно, также нивелировкой (во всяком случае сближением) их правового статуса¹⁰⁵.

По сравнению с месопотамским или египетским регионами в малоазийском налицо определенное своеобразие в положении верхних слоев общества. Стечением времени понятие «свободный (человек)» ($L\bar{U}EL-LUM(M)$ -агаца-) все больше связывалось именно с этой верхушкой общества, не распространяясь на всю массу непосредственных производителей и «людей службы», несмотря на то, что значительная часть их состояла также из юридически свободных людей. Подобное сужение термина «свободный» мы выше видели хотя бы на примере хеттского договора с правителями стран *Haralla* и *Mira-Kuçalija*.

Г. Г. Гиоргадзе высказано мнение, что у хеттов «с самого начала „свободными“ назывались лица, освобожденные царем (дворном) от государственных повинностей *саххан* и *луцци* не только в пользу царя (дворца) или крупных государственных служащих, но и в пользу храма, а также других культовых учреждений. Свободные от всех повинностей люди постепенно становились „знатными, почетными, благородными“, т. е. социально свободными»¹⁰⁶. С этим мнением, нам кажется, трудно согласиться. Высказывая данное соображение, исследователь в основном опирается на данные § 50, 51, 56 ХЗ. В § 50 речь идет о том, что у священнослужителей некоторых городов (Нерика, Аринны, Ципланты) и у жрецов «во всех городах» «дома свободны ($E^{III-A}-\dot{S}U.NU EL-LU$), но люди их (наследственной) доли $L\bar{U}MESHA.LA-\dot{S}U.NU$) должны (выполнять) *луцци*». В § 51 сказано, что «прежде дом того, кто становился ткачом в городе Аринна, был свободным ($E-ZU a-ra-a-u-wa-an$) (и) люди его (наследственной) доли ($L\bar{U}MESHA.LA-\dot{S}U$) и его люди ($L\bar{U}MESNI \dot{S}U \bar{U}.\dot{S}U$) были свободны ($a-ra-u-e-es$). Теперь же (только) его собственный дом свободен ($EL-LUM$), а люди его (наследственной) доли и его люди (люди его дома) должны выполнять *саххан* (и) *луцци*. В городе Ципланта то же самое». Наконец, в § 56 говорится: «Никто из медников не свободен ($a-ra-u-za-aš$) от участия в (работах) крепости во время похода царя и от подстригания виноградников. Садовники должны выполнять *луцци*...»¹⁰⁷. Г. Г. Гиоргадзе на этом основании приходит к выводу, как об этом говорилось и выше, что понятие $L\bar{U} ELLU(M)$ (агаца-) «свободный» с самого начала, с древнехеттского царства (ведь I таблицу ХЗ относится именно к древнехеттскому периоду), включало в себя экономический аспект, обозначало человека, который царем был освобожден от государственных повинностей *саххан* и *луцци*, и лишь позже постепенно стало указывать на социальное положение, обозначая социально свободного человека.

Нам кажется, приведенный материал никак не подводит к таким выводам. Понятие «свободный» в цитируемых местах употребляется не в качестве социального термина, а в самом общем значении этого слова: во всех означенных случаях речь идет просто об освобождении от государственных повинностей (*саххан*, *луцци*), никоим образом не связываемом с социальным статусом освобождаемых. Кстати говоря, и сам Г. Г. Гиоргадзе отмечает, что от *саххан* и *луцци* освобождались и непосредственные производители, однако в результате этого они не попадали в категорию социально свободных¹⁰⁸. Судя по ХЗ, *саххан* выполняли безусловно свободные общинники (см. § 39, 40, 46, XXXIX, а также § 55 — $DUMU^{MES}$

¹⁰⁵ Ср. *оп. же.* — ИДМ, I, с. 212.

¹⁰⁶ См. там же, с. 211 сл., а также *Giorgadze. Die Begriffe «Freie»...*, S. 304 ff.

¹⁰⁷ Переводы в основном по В. В. Иванову (ХИДМ, с. 278) (к тексту см. *Imparati. Op. cit.*, p. 66, 68, 72).

¹⁰⁸ *Giorgadze. Die Begriffe «Freie»...*, S. 306 f.

URU₃HA-AT-TI «граждане города Хаттусы»). Освобождение от повинностей являлось особым актом со стороны государственной власти и делалось в отношении конкретных лиц или категории людей ввиду их особых заслуг или особого значения их в экономической или общественной жизни. Так, подарок царя (поле) освобождался (раньше автоматически, позже особым царским распоряжением) от *луци* (§ 47, XXXVI, XXXIX); закон впоследствии ограничивал бытовавшую прежде практику освобождения от повинностей всего состава «дома» жрецов некоторых городов (§ 50), «домов» ткачей в городе Аринна (§ 51); наконец, были освобождены от повинностей также воины целого ряда этнических образований (манда, сала) и городов (Тамалки, Хатра, Цальпа, Тасхиния, Хемува) и т. д. (§ 54).

Саххан и *луци* могли выполнять и «пленные», явно относимые к категории «несвободных» (§ 40, 48, XL). В выполнении *саххан* и *луци* участвовали не только главы «домов», но и их «дольщики» и просто их «люди» (LUMES NISU) — явно несвободное, трудящееся население — см. § 50, 51. Общеизвестно, что выполнение повинностей было связано прежде всего с землепользованием, в том числе и общинным, и являлось обязанностью в первую очередь низших слоев свободного населения, однако ими облагались, как уже отмечено выше, и несвободный рабочий персонал хозяйства.

Следовательно, нет никаких оснований постулировать в качестве высшего слоя хеттского общества неких «освобожденных от повинностей людей» и подобный смысл вкладывать в термин «свободный (человек)» ХЗ. То, что под «свободными» вовсе не подразумеваются одни лишь представители аристократии, высших слоев населения, явствует уже из ситуаций, в которых они представлены нам источником: «свободные» ХЗ сплошь и рядом воруют — обкрадывают чужие дома, виноградники и амбары для зерна, крадут даже плуг (№ 124), медный нож (№ 143), нанимаются на работу за определенное вознаграждение (§ 150); в «голодный год» им спасают жизнь (№ 172) и т. д.

Несомненно, в общем и целом под этим термином подразумевалось юридически полноправное население. В ХЗ «свободный» четко противопоставляется «рабу» (IR) — юридически несвободному человеку. В одном среднехеттском документе (договоре со страной Исмерига), где речь идет о комплектовании предназначенного для хеттского царя войска, «свободный человек» также противопоставляется «рабу» или наемнику (т. е. чужестранцу)¹⁰⁹.

Все вышесказанное не означает, конечно, что верхние слои общества несли государственные повинности (*саххан*, *луци*), хотя в широком смысле слова они тоже представляли «людей службы», несли ту или иную службу в государстве. Скорее всего эти верхние слои в самом деле были свободны от тех повинностей, которыми были обременены низы общества. Во всяком случае несомненно налицо полное отстранение данной категории людей от производительного труда. В цитированном выше договоре с правителями Наралла и Мира-Куцалии «свободные» противопоставляются не только занятому непосредственно в земледелии и ремесле населению, но также и «людям службы» (LUMES GISTUKUL GID.DA). Как мы уже говорили, в «Указе Телепину» (§ 26) в качестве наказания высоких дворцовых служащих (видимо, из высшего военного сословия) царь «сделал их людьми плуга (т. е. землепашцами)», «снял оружие у них с правого бока» и «им п[луг] дал»¹¹⁰.

Показателен уже упомянутый хеттский договор со страной Исмерига, из которого следует, что при формировании в Исмериге военных отрядов

¹⁰⁹ См. *Houwink ten Cate P. H. J. The Records of the Early Hittite Empire. Istanbul, 1970, p. 26.* См. также: Об изучении «свободных» на древнем Востоке (VII конференция по древнему Востоку). — ВДИ, 1976, № 1, с. 194.

¹¹⁰ См. *Гиоргадзе. Очерки...*, с. 60.

для хеттов «наемника» и «раба» нельзя было включать в отряды тяжеловооруженных (ERIN^{MES}UKU.US): «Однако пусть пойдут (в посылаемые хеттам отряды) (только те), ко(торые) свободные (DUMU^{MES}EL-LU-TIM). Раб же и наемник в (ряды) тяжеловооруженных не посылаются). Полагают, что это предписание соблюдалось и у самих хеттов ¹¹¹.

Привилегированный слой свободных воинов образовался, следует думать, уже на заре возникновения хеттской государственности, когда возвысилась определенная группа свободных общин во главе с царским родом, выставляющая военные отряды для ведения почти постоянных тогда войн. Характерна в этом аспекте историческая часть «Указа Телепину» (далее — УТ), которая, ссылаясь на правление основоположника Хеттского государства Табарны, представляет его как время, когда «его [сыновья], его [братья] и его свойственники, люди его рода, а также его воины (EREN^{MES}) были объединены» (§ 1, 2). Именно вследствие этого, полагает Телепину, хотя «страна была мала», но «в какой поход он (т. е. Табарна. — Г. М.) (бывало) ни пойдет, (всякий раз) он силой подчинял вражеские страны» (УТ § 2). Картина такого же единства между членами царского рода и «воинами» рисуется при царствовавших впоследствии Хаттусили I и Мурсили I (§ 5, 8). В процессе этих победоносных войн сложился и разросся слой профессиональных воинов, в дальнейшем составивших основное ядро хеттской аристократии (из их среды затем комплектовался, вероятно, и высший административный аппарат как в центре, так и на местах). Этот слой, конечно, очень скоро полностью отстранился от непосредственной трудовой деятельности. Аналогией ему можно видеть в существовавшем в Хуррито-Митанийском царстве слое знатных воинов (главным образом колесничих) — *марцанни*.

Аристократическая верхушка хеттского общества постепенно превратилась в крупных землевладельцев. Обладателями больших имений были члены царской семьи и высшие царские служащие. Свои имения, как правило, они получали от царя в полную собственность и часто с освобождением от государственных повинностей. Царь Телепину, как известно, предписывал даже при наказании провинившихся членов царского рода не трогать «их дома, их поля, их виноградники, их амбары, их рабов, их скот, их овец» (УТ, § 31). Симптоматичны дошедшие до нас царские дарственные грамоты ¹¹², свидетельствующие о дарениях земли не только храмам, но также и представителям хеттской знати. Речь в них идет не о наделении наделами за службу, т. е. фактически во временное держание, что было известно повсюду на древнем Востоке, но о дарении «навечно» больших поместий с укрепленными к ним «головами рабынь (и) рабов». Выше уже шла речь о широко известной «дарственной грамоте» царя Арнуванды, парицы Асмуникал и царевича (наследника престола) Тутхалии знатной даме Куваталле. В «качестве дара вечного» ей передавался целый комплекс хозяйства (13 «домов» со 110 «головами рабынь (и) рабов», разный скот, поля, пастбища, виноградники, лес, разные жилые и хозяйственные сооружения).

Подытоживая все сказанное о социальной структуре хеттского общества, следует отметить, что она уже достаточно явственно обнаруживает черты той модели, которая впоследствии становится характерной для ближневосточных (как древних, так и средневековых) обществ.

Основным эксплуатируемым классом становится все более единообразный класс непосредственных производителей. Преобладающая часть их самостоятельно ведет свое хозяйство и платит налоги (или долю урожая, арендную плату) в пользу государства (царя) или тех, кому оно это право переуступает. При этом в существовавших уже во II тыс. до н. э. государ-

¹¹¹ См. *Kempinski A., Kořak S. Der Išmeriga-Vertrag. — Die Welt des Orients, 1970, V, № 2, S. 196 f.*; ср. *Гюргадзе*. Некоторые формы..., с. 50.

¹¹² См. *Riemscheider*. Op. cit.

ствах (в Хеттском царстве, в «великих ирригационных обществах» Ближнего Востока) наблюдается тенденция нивелировки экономического положения и правового статуса местного и пригнанного извне производящего населения и образования единого зависимого земледельческого, эксплуатируемого скорее близким к крепостничеству, чем к рабству, способом класса. Впрочем, означенная тенденция не чужда и для более древней эпохи — III тыс. до н. э. Свидетельством этого может служить хотя бы использование одних и тех же терминов для обозначения работников царских хозяйств древнего Двуречья — рабов и нерабов (*гуруш*), рабынь и нерабынь (GEME).

Также с древнейших времен берет свое происхождение другой слой ближневосточного общества — низший слой «служилых людей», «людей службы», так рельефно представленный, как мы видели выше, в хеттских источниках II тыс. до н. э.¹¹³ К этому слою принадлежали лица, несшие какую-либо службу (рядовые воины, ремесленники, торговцы, низший слой жречества, низшие чины административного аппарата и т. д.), и за это, как правило, получавшие от царской власти определенное вознаграждение (обыкновенно — земельный участок, но могли быть и другие формы вознаграждения, а также предоставление некоторых мелких привилегий). Часть этой прослойки занималась в определенной мере производительным трудом, частично же пользовалась чужим трудом — рабов, арендаторов, «дольщиков» и т. п. Как правило, этот слой комплектовался из рядовых свободных, но в нем могли оказаться и рабы.

Наконец, завершал пирамиду общественной иерархии высший слой свободных (хетты, как мы видели, порой только их и именовали «свободными») — фактически высший слой служилого сословия: крупные сановники, представители высшей царской администрации, военачальники, высшее жречество, царский род, приближенные царя и царский двор и т. д. В этих слоях общества среди хеттов, несомненно, все время был очень высок удельный вес собственно военной прослойки. В хеттском государстве к этому высшему слою следует отнести также довольно многочисленный состав «вассальных» царьков и «князей» со своими дворами, административным аппаратом и служителями культа.

Хеттское общество II тыс. до н. э. наряду с чертами, характерными для «восточного феодализма» (ведущее положение государственной собственности, статус и формы эксплуатации производящего населения и т. д.), выявляет некоторые черты, близкие к западной модели феодального общества (высокий удельный вес военного сословия в составе господствующего класса, наличие вассальных отношений, системы дарений, существование крупного землевладения аристократии и т. д.). Именно этим объясняется тот факт, что специалисты так много говорят о «хеттском феодализме»¹¹⁴.

Развитие на Ближнем Востоке со II тыс. до н. э. все более шло в направлении образования крупных военных (resp. военно-паразитических) государств. Вслед за Митаннийским и Хеттским царствами эти новые черты наиболее ярко выступают сперва в Среднеассирийском, а затем в Новоассирийском царствах; впоследствии на арене появляются Мидийское царство и Ахеменидский Иран. Выдвижению последних способствовало то обстоятельство, что мидийцы и персы, располагая военным превосходством, представляли в то же время слабодифференцированные общества — общества с широкой социальной базой¹¹⁵. Этот фактор, видимо,

¹¹³ В широком смысле «служилый слой» включал также царский род (и двор) и всю военно-бюрократическую прослойку государства, высший слой жречества и т. д.

¹¹⁴ Cornelius, Op. cit.; Güterbock. Op. cit. Мнение против полного отождествления хеттского общественного строя с западно-европейским феодальным: *Archiv. II* («teudalismo» ittita. — Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma, 1977, fasc. XVIII.

¹¹⁵ См. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956; Алиев И. Г. История Мидии. I. Баку, 1960.

играл немаловажную роль при возникновении и других «военных государств» II—I тыс. до н. э. Известно, что даже в довольно позднюю эпоху в периферийных районах Митанни хурритское общество оставалось довольно архаичным, с сильно выраженными родо-племенными чертами¹¹⁶; в процессе возникновения Хеттского государства гегемонами выступали протохеттские объединения из восточных районов Малой Азии¹¹⁷, вероятно, также представлявшие собой общества со слабодифференцированной структурой; при сложении Среднеассирийской военной державы весьма крепки были позиции общины и общинной собственности¹¹⁸; в «военном государстве» Урарту мы также находим сильные родо-племенные традиции¹¹⁹. И в дальнейшем инициаторами создания «империй» на Ближнем Востоке выступают подобного рода слабодифференцированные общества (арабы, монголы, турки).

Уже в рамках Хеттского царства, как мы видели, налицо те тенденции, которые более отчетливо проявляются в появившихся позже «военных государствах» Ближнего Востока. Особенно большое значение приобретает на этом этапе рост удельного веса эксплуатации внешнего окружения (захват земельного фонда и других материальных ценностей, угон больших масс пленных). Это в первую очередь способствовало расширению царского земельного фонда (путем перехода земли в завоеванных странах в распоряжение царя) и, таким образом, вело к образованию феномена верховной царской собственности на землю. Правда, подобная тенденция в развитии древнего ближневосточного общества уже наблюдалась прежде на этапе существования крупных (порой всеобъемлющих?) царско-храмовых хозяйств, но тогда она в основном выражалась в подчинении общинной экономики царской власти как организатору экономической жизни страны. Указанные обстоятельства, а также значительный рост оказавшегося в подчинении у властителей подобных «военных государств» завоеванного населения определили другие отличительные черты этого второго этапа в развитии ближневосточного общества. Симптоматично, что захват большого количества пленных здесь не привел к росту рабовладения (как это было в античных государствах, в частности в Риме) — для этого экономика этих стран явно не была готова. Он способствовал лишь увеличению зависимого от государства производящего населения. Пленному, депортированному населению предоставлялись участки на «царской земле», на которых они самостоятельно вели хозяйство и выполняли наложенные на них повинности. Впрочем, с ахеменидского времени прекратился массовый угон населения и поселение его в других регионах империи — предпочтение стало отдаваться эксплуатации покоренного населения на месте. Вместе с тем произошло ставшее затем традиционным на Востоке при образовании новых империй перераспределение земельного фонда в пользу верхушки (порой и рядовых воинов) завоевателей. В то же время наблюдается (преимущественно на хеттском материале) нивелировка юридического статуса и фактического положения таких несвободных и местных свободных производителей и образуется единое зависимое сельскохозяйственное население¹²⁰. Уже у хеттов происходит образование еди-

¹¹⁶ См. работы Н. Б. Янковской, они подытожены, в частности, в ее докторской диссертации «Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (По клинописным текстам Каниша и Аррапхи)». Л., 1979.

¹¹⁷ *Меликишвили*. Возникновение Хеттского царства...

¹¹⁸ *Дьяконов И. М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, с. 55—56, 71 и др.

¹¹⁹ *Он же*. Некоторые данные о социальном устройстве Урарту.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. Сборник, посвященный памяти А. И. Тюменева. М.— Л., 1963, с. 55 сл.

¹²⁰ *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 15.

ной системы общегосударственных налогов и повинностей (*саххан, луцци*), посредством которой осуществляется эксплуатация этой однородной массы зависимого населения. Впоследствии все это становится присуще Ассирии¹²¹ и другим государствам этого типа (своеобразные формы приняло развитие в Позднем Вавилоне¹²²).

Происшедшие на этом этапе развития сдвиги привели к формированию более четкой социальной структуры, ставшей традиционной для «восточного общества», в частности, обусловили дальнейший рост «служилого» (военно-служилого) слоя — привилегированной, по сравнению с массой непосредственных производителей, части общества, вознаграждаемой царской властью за службу землей, порой вместе с сидящими на этой земле зависимыми производителями. Конечно, в этой служилой прослойке резко различаются высший слой — военно-служилая знать (господствующая верхушка общества) — и низший слой «служилых людей», возможно, даже не совсем оторвавшийся от производительности труда.

На Ближнем Востоке, во всяком случае в некоторых его регионах, со II тыс. до н. э. наблюдалось также развитие городов, пользовавшихся определенными привилегиями и самоуправлением, и рост торгово-ремесленного населения. Однако эти города как в древневосточную, так и в более позднюю (средневековую) эпоху находились фактически в полном подчинении государства, подвергались контролю со стороны государственного бюрократического аппарата и тем самым резко отличались от античных полисов. Вообще многие черты, характерные для данного этапа в развитии древнего ближневосточного общества, имеют аналогии в более поздних периодах его истории¹²³.

PRINCIPAL STAGES IN THE DEVELOPMENT OF ANCIENT NEAR EASTERN SOCIETY

G. A. Melikishvili

At the most ancient stage (III millennium B. C.— Babylon, Egypt) collective forms of conducting the economy predominated, there were vast royal (state) and temple estates and the main function of the state was the organisation of the economy. A new stage begins with the II millennium. The previous system had become unprofitable and even in the «great irrigation societies» (Babylon and to a lesser extent Egypt) the individualisation of the economy had begun. Small land-lots were now cultivated by individual producers, free and unfree, who were exploited by the state directly or via the state by the serving military nobility who collected taxes and performed other services. The II millennium brought considerable advances in the art of war (the appearance of chariot troops, and then cavalry) which led to the formation of large parasitical military states such as the Mitani, the Hittite kingdom and the Middle Assyrian kingdom, and similar ten-

¹²¹ Якобсон В. А. Социальная структура Новоассирийского царства.— ВДИ, 1965, № 1, с. 113—117.

¹²² Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974.

¹²³ См. Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи.— Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1984, VII; Melikishvili G. A. Der Alte und Mittelalterliche Nahe Osten (Zu Fragen der Analogie der sozial-ökonomischen und staatlichen Ordnung).— In: Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour I. M. Diakonoff. Warminster, 1982.

dencies appeared in Egypt and Babylon. In the I millennium the New Assyrian kingdom initiated a series of «empires» (similarly Urartu and the New Babylonian kingdom). The «military states», like the Hittite kingdom before them, enriched themselves for the most part at the expense of the surrounding regions, seizing enormous stretches of conquered territory and thus greatly increasing their own land-funds. This led to the establishment of the king's right to all property in land. Seizure of large numbers of captives did not in this case result in the growth of slavery. Most of the captives were planted on the land as independent producers. Moreover there took place a gradual levelling of the legal status and actual condition of the imported unfree and the native free producers. The universal state system of taxation and obligation fell upon all of them equally. These changes led to the formation of a precise social structure that became traditional for «oriental society», having on the one hand a fairly homogeneous mass of exploited producers and on the other a privileged «serving» upper layer. At this late stage of development there may be observed a certain growth of cities in the big states of the Near East, but as was the case with Eastern mediaeval cities, these are in complete subjection to the state, and despite the opinion of some scholars, have little in common with the ancient polis.
